

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ГАЗЕТЪ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗА МАРТЪ 1915 ГОДА

Моча

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14004

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 7-го (20-го) МАРТА 1915 ГОДА.

№ 14004

Пластуны на Черноморскомъ побережь.

Рисун. А. Пржевальскаго (участника войны).

Она пишетъ.

Сегодня, наконецъ, пришло письмо. Оно живъ. Я создала детей,—сокращены уроки. Читала всей семьѣ намъ дорогія строки, Валентина жоны и матери смирились.

Ни слова о себѣ! Все къ позымамъ порывъ. Въ восторгъ отъ боя у Сава и Власки. Гдѣ прови пражской не высохли потоки. Гдѣ топотомъ коней изрыто столько нивъ.

О дѣтяхъ, обо мнѣ вопросы и заботы. И въ каждой мелочи знакомой ласки свѣтъ. Куда пойдутъ войска, не пишеть: строго запреть.

Въ концѣ подчеркнуто: съ Австрийцами расчеты Почти закончены... Цѣлуешь, всекъ поклонъ...

Я долго плакала сегодня у иконы.
В. Жуковскій.

Черный автомобиль

Рассказъ доктора.

Это странное происшествіе, рассказанное мнѣ однимъ военнымъ врачомъ, случилось сравнительно недавно. Передаю его со словъ послѣдняго, не обозначая въ точности ни времени, ни мѣста.

Нашъ лазаретъ находился въ мѣстечкѣ старому парку дома, въ которомъ помещался лазаретъ. Домъ принадлежалъ издѣльнику въ 30 верстахъ отъ неприятеля.

Наступило временное затишье, и мы вѣстному польскому магнату. Временное затишье было особенно дорого для всѣхъ, и въ себя послѣ кровопролитнаго боя, кинувъ массу раненыхъ лѣгоческимъ страданіемъ.

Одни изъ нихъ были послѣ перевязокъ Общество наше состояло изъ вашего по-уезды, другіе перешли въ лучшей мѣрѣ. корнаго слуги, молодого врача К. и четы-Оставались немногіе. рехъ сестеръ милосердія,—добрыхъ, ми-

И не баба, но, долженъ признаться, за лыхъ дѣвушекъ, самоотверженныхъ работ-послѣднее время началъ ощущать нѣчто ницъ на пользу ближнимъ.

похожее на нервы, и чувствовалъ потреб-Общество это скоро увеличилось самимъ-послѣ обычныхъ перевязокъ отдох-владельцемъ замка, графомъ З—мъ, при-путь, забыться чтеніемъ, прогулками по бѣхамъ навѣстити свое помѣстье, а

къ ейнѣ съ турціей.

Сходъ въ Босфоръ изъ Чернаго моря

главнымъ образомъ,—какъ онъ выражался, —поцарапаться хорошенько съ врагомъ.

Колоссально богатый, холостякъ въ свои 44 года, въ солдатскомъ плащѣ и высокихъ сапогахъ, графъ З. казался воплощеніемъ героя временъ королевы Марго. Владѣя въ недалекомъ сосѣдствѣ другимъ родовымъ помѣстьемъ, еще не тронутымъ вѣками, графъ З. оставался, повидимому, совершенно равнодушнымъ къ потерѣ болѣе-шей части имѣнья и жалѣлъ только о старинной мебели и картинахъ, не поцарапанныхъ снарядами. Часть дома была совершенно разрушена.

Пріятный собесѣдникъ, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, красавецъ собой, графъ совершенно обворожилъ нашихъ скромныхъ труженницъ, ухаживая за всѣми изысканіемъ, немного на стариковской ладъ, ухаживаніемъ.

Впрочемъ, это было даже не ухаживаніе, а что-то ласковое, почти отеческое.

И всѣ четыре это поняли, отвѣчая графу взаимной симпатіей. И раненыя наши полюбили графа.

Да и нельзя было не любить этого человѣка, расточающаго богатства своего сердца и жарана съ легкостью, свойственной аристократу чистой крови.

Вечерами, послѣ занятій по лазарету, мы всѣ собирались въ огромный залъ замка у пылающаго каміна.

Послѣдніе дни выналь свѣтъ, и дни, особенно те вечера, стояли холодные.

Врагъ молчалъ, какъ притаившійся зверь.

Мы ждали со дня на день новой борьбы. Проживъ съ нами около недѣли, графъ

Полковник В. А. КИТИНЪ.
Доблестный защитник горных проходов на Кавказе. Во время одного из боев, где он покрывал себя и свой полк славой, пал смертью храбрых. Награжден орденом св. Георгия 4 и 3 степ.

обратился в свое имение, где всегда жил и которое, по его словам, должно было в непродолжительном времени подвергнуться яржему нападению.

— А пока этого быть, — милости просим к нам, — закончил граф З., прощаясь со мной.

Я обещал навещать его, и граф уехал.

II.

Ужасы войны не могут совершенно подавить человеческой природы, инстинктивно стремящейся к забвению этих ужасов.

Мне было интересно видеть графа З., и через несколько дней, после обхода раненых, я побѣжал к нему.

Старинный замок гр. З-хъ находился в нескольких верстах от нашего месторасположения и представлял собою нечто величественное и благородное.

Кругом тянулся огромный одинокий парк, похожий на лѣсъ.

Граф З. встрѣтил меня на крыльце в обществе охотничьих собак, могущих привести в восторг охотника.

— Вы доставили мне огромное удовольствие вашимъ приездомъ, — сказал он и повел в домъ.

Я не присланный любитель старины, но невольно пришел в изумление при видѣ столышекъ драгоценныхъ предметовъ старины, обретенныхъ в частныхъ рукахъ.

После тонкого обѣда графъ помѣстился со мной в угловой башнѣ, служившей ему спальней и кабинетомъ, и велѣлъ затонить каминъ и подать вина и сигары.

Мы остались вдвоемъ с нимъ. Былъ девятый часъ вечера.

Вѣтеръ свистѣлъ, разгуливая по опустѣвшему парку...

Пламя каминъ ложилось длинными полосами на дубовыя доски паркета...

Блѣлый мраморный бюстъ польскаго поэта смотрѣлъ на насъ съ высоты книжнаго шкафа.

Я курить, молча глядя на графа.

Онъ сидѣлъ въ высокомъ готическомъ креслѣ, обтянутомъ кожей, задумчиво глядя на огонь въ то время, какъ рука, эта сильная и гибкая, рука воина и артисткрата, лежавшая на ручкѣ, разсыпано жала сигару.

— Мы живемъ в тяжелыя времена... — прервалъ молчаніе графъ. Бросивъ сигару въ огонь, онъ началъ ходить по козру и вдругъ, подойдя, остановился передо мной.

— Знаете ли, что это скоро должно измѣниться? — неожиданно заявилъ онъ, и странная усмѣшка пробѣжала по его губамъ.

— Измѣниться?... Вы подразумеваете войну?... Одинъ Богъ знаетъ, когда это кончится... — отвѣтилъ я.

Графъ сѣлъ около меня и, сказавъ мою руку, заговорилъ тихимъ, проникновеннымъ голосомъ.

— Вы единственный человекъ, которому я могу повѣрить свою тайну... Я отчасти для этого пригласилъ васъ къ себѣ. Мне необходимо было открыться кому-нибудь, иначе я задохнусь отъ волненія и злобы. Не удивляйтесь, что я выбралъ васъ, почти не зная, но я физиономистъ, и ваше лицо не обманываетъ меня.

Я поклонился, сильно изумленный.

Мне даже одну минуту показалось, что со мной говорилъ человекъ не вполне нормальный; но я скоро убѣдился въ противномъ.

Близко наклонившись ко мнѣ, графъ пошепталъ меня въ свою тайну.

Въ первую минуту новое сомнѣніе въ умственныхъ способностяхъ моего собеседника смутило меня, но, взглянувъ въ смѣлое, дышащее энергіей лицо графа, я вспомнилъ, что передо мной находится фанатикъ, способный на многое.

— Я долженъ исполнить это... Я поклялся на крестѣ въ тотъ часъ, когда узналъ о смерти любимого брата, меньшого, любимца матери, не пережившей сына, — закончилъ графъ, порывисто подымаясь съ мѣста.

Лицо его пылало огнемъ, глаза блестяли...

Я чувствовалъ себя глубоко взволнованнымъ.

— Вы хотите... — началъ я и не договорилъ.

Рука графа прижалась къ моему губамъ.

— Тише, ради всего святаго... У стѣны есть уши... Но знайте одно: мнѣ скоро будетъ освобожденъ, и освободится онъ благодаря мнѣ... — заключилъ онъ и тяжело опустился въ кресло.

Черезъ несколько часовъ мы разстались.

Передъ самымъ отъездомъ случилось непредвидѣнное обстоятельство: захромала моя лошадь, ѣхать на ней было нельзя.

Подали автомобиль.

— Вы вернете мнѣ его съ человекомъ, который приведетъ вамъ завтра вашу лошадь, а теперь потушите фонарь, — приказалъ графъ прислугѣ и простился со мной.

III.

Мы выѣхали изъ воротъ замка и побѣжали по широкой пустынной дорогѣ.

Я не запомню ночи болѣе мрачной. Блѣлый сырѣ туманъ подобно савану ложился на пустынный поля. Рѣдкія облетѣвшія деревья и кусты казались призраками.

Отъѣхавъ съ полверсты, я оглянулся на замокъ.

Командиръ батареи, подполк. П. И. ДРОССИ.
Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 степ.

Рис. П. Шиповъ.

Башни его злобще чернѣли сквозь дымку тумана.

Закуривъ папиросу, я закутался теплѣе въ мѣховой пледъ и невольно задумался о странномъ графѣ.

Фантазія его освободить мнѣ не удивляла болѣе меня. Я не одинъ разъ слышалъ подобные разговоры. Но для чего надо было дѣлать меня косвеннымъ соучастникомъ — это такъ и осталось мнѣ непонятнымъ.

Серьезность и простота тона указывали на непростую послѣбѣдственную болтовню...

Мы ѣхали быстро, но сырость начинала пронизывать меня, несмотря на мѣхъ.

Тишина была полная; вдругъ гдѣ-то далеко, какъ мнѣ показалось, я различилъ шумъ автомобиля.

Шоферъ также насторожился.

Я не ошибся.

Это былъ автомобиль. Онъ ѣхалъ за нами теперь уже не слышно, — какъ будто, догнавъ насъ, онъ собирался слезать мнѣ проводникомъ.

Мы ѣхали скорѣе, — онъ прибавлялъ хода; убавлялась быстрота нашей машины, замедлялась она и у спутника.

И почему-то и мнѣ, да, кажется, и моему водителю сейчасъ же сдѣлалось неприятно это, быть можетъ, неумышленное преслѣдованіе; оно насъ раздражало.

Словно въ плѣну насъ держалъ! Напрасно мы развивали силу хода, — онъ мгновенно догонялъ насъ, не отставая ни на шагъ, и всегда оставаясь въ несколькихъ саженяхъ.

Но самое ужасное, — былъ туманъ, все болѣе завлакивающий предметы.

Минутами онъ какъ будто разсѣивался, и снова нависалъ могильнымъ покровомъ.

Мнѣ начало казаться, что мы ѣдемъ не той дорогой, по какой я ѣхалъ раньше. Я замѣтилъ это шоферу.

— Все это?... виновать... И откуда взялся, проклятый?... — проворчалъ онъ сквозь зубы.

— Куда же, однако, мы ѣдемъ?

Скоро я убѣдился, что мы заѣхали Богъ вѣсть куда.

Въ мирное время въ этомъ, не было, конечно, ничего опаснаго, но теперь, въ незнакомой мѣстности и густомъ туманѣ, мы вполне могли очутиться въ неприятельскомъ лагерѣ.

Перспектива не изъ приятныхъ!

А тутъ еще этотъ неизвестно откуда взявшійся спутникъ... Кого везетъ онъ?

— Остановитесь и дайте ему пробѣжать... — сказалъ я шоферу.

Наша машина остановилась.

Остановился и спутникъ...

Это дѣлалось тѣмъ-то почти жуткимъ. Шоферъ обернулся ко мнѣ.

— Плохо, панъ... Это не просто... — прошепталъ онъ.

Я хотѣлъ что-то отвѣтить, какъ произошло нечто, о чемъ я не могу забыть до сихъ поръ.

Раздирающей вой сирены, похожей на завываніе какого-то адскаго чудовища, неожиданно отрясъ нашъ слухъ, и едва не задрѣвъ насъ въ стремительномъ бѣгѣ, онъ прончался мимо насъ, подобно вихрю.

Свѣтъ мѣсяца, прорвавшій на минуту облачко тумана, освѣтилъ странный автомобиль, мы увидели его совершенно ясно.

Онъ былъ черный, совершенно черный, траурный...

Но кто сидѣлъ въ немъ, разобрать было невозможно; да и сидѣлъ ли кто?..

Я — докторъ и старый солдатъ, поднимавший раненыхъ подъ градомъ пуль безъ страха, — я почувствовалъ нечто въ родѣ ужаса.

Шофера моего била лихорадка.

Прошло минутъ двадцать, пока руки его получили возможность управлять рулемъ.

Но тутъ произошла новая неожиданность.

Машина отказывалась служить!

Лейт. Ал-дръ Владисл. Рогускій, погибъ въ бою на заградителѣ «Прутъ».
Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 степ.

Шт.-Кол. Пав. Вас. ГУРДОВЪ, герой освободительной войны. За дело у Пабиничъ награжденъ орденом св. Георгия 4 степ. Убитъ 13 февраля въ районѣ Прасныша, гдѣ онъ управлялъ бронированнымъ автомобилемъ.

Кол. князь М. И. КУГУШЕВЪ. Убитъ въ бою.

Туманъ разсѣялся, мы выбрались на дорогу и черезъ часъ были дома. Былъ пятый часъ ночи. Значитъ, пропутали почти шесть часовъ. Около семи часовъ утра мой сонъ былъ нарушенъ младшимъ врачомъ. Думая, что случилось что-либо по лазарету, я открылъ глаза. — Вставайте, скорѣй! За вами прѣехали отъ графа З—го. Онъ умираетъ. Вчера, по словамъ посланнаго, проводивъ васъ около 12 час. ночи, онъ вышелъ на обычную прогулку, и былъ раздавленъ въ полѣ какимъ-то случайнымъ автомобилемъ, — говорилъ докторъ.

... стремительно одѣвшись, поѣхалъ къ графу. Я нашелъ его умирающимъ въ той самой комнатѣ, гдѣ мы сидѣли наканунѣ. Меня онъ уже не узналъ.

Предсмертный бредъ графа вертѣлся на черномъ автомобиле, — нападшемъ, — какъ онъ выражался, на него въ полѣ и убившемъ его, какъ врага.

Скончался графъ тихо, спокойно перейдя въ лучший міръ.

Исполнивъ около умирающаго свой долгъ, я вернулся къ себѣ.

И было время! Врагъ переходилъ въ наступленіе, и намъ было приказано перенести лазаретъ въ другое мѣсто.

Черезъ нѣсколько дней пальная пуля угодила мнѣ въ руку, надолго лишивъ возможности помогать страждущимъ.

Но какъ бы тамъ ни было, — вашъ покорный слуга оправился, можетъ вновь работать и доставилъ вамъ нѣкоторое развлечение своей исторіей, въ достоверности которой можетъ поклясться словомъ стараго служаки.

В. Волчъ.

Его матери.

Онъ видѣлъ небо, умирая,
И небо приняло его...
О, не жалѣй его для раи —
Онъ жертва слова своего.
Да, скорбь тяжка: его не стало,
Но какъ герой онъ въ битвѣ палъ —
Изъ мрака въ свѣтъ душа предстала,
Онъ честно жизнь свою отдалъ.
Память, отуманеннымъ слезами,
Тотъ дастъ отраду, Кто поможетъ
Ему подняться въ высь надъ нами,
Гдѣ свѣтъ, гдѣ истина, гдѣ Богъ.

с. п.

Литературныя замѣтки.

Городъ Окуровъ.

Повесть М. Горькаго «Матвѣй Кожемякинъ»*, согласно характеристикъ самого героя этого произведенія, представляеть собой рассказъ о его жизни — «жалостной и постыдной». Но личность Матвѣя Кожемякина далеко не является такой интересной, чтобы ею можно было занять вниманіе читателей на протяжении почти тысячи печатныхъ страницъ. Влалый и полусонный, даже въ минуты высшаго подъема, на который онъ способенъ, умѣющій лишь отдуваться, ныть, да «съ мягкой глуповатой улыбкой» безпомощно озираться вокругъ, онъ признаетъ и самъ, что у него, въ сущности, «никакой жизни не было, — пустяки да ожиданіе». Правильнѣе будетъ поэтому принять, что повесть о Кожемякинѣ предназначена, выражался опять-таки словами ея героя, «для познанія скорбной жизни уѣзднаго русскаго города». Въ сущности, можно пойти и дальше, и

* М. Горькій. *Матвѣй Кожемякинъ*. Повесть. Книгоиздат. «Жизнь и Знаніе». Петрогр. 1914—15 г. Книга I. Стр. 457. Ц. 1 р. 75 коп. Книга II Стр. 481. Цѣна 1 руб. 85 коп.

принять, что въ городѣ Окуровѣ (которому уже и раньше Горькій удѣлялъ вниманіе) олицетворяется для писателя вся почти провинціальная русская жизнь, такъ какъ для изображенія быта и нравовъ губернскаго города Воргорода онъ беретъ почти тѣ же краски, какъ и для уѣзднаго Окурова. Событія же въ жизни послѣднато, занесенныя въ его лѣтописи, въ качествѣ выдающихся и останавливающихъ на себѣ вниманіе, всѣ почти въ такомъ родѣ: «маленькая ошлея»; «трехъ бойцовъ слободскихъ гирьками закидали»; «къ Вагнимъ во дворъ волкъ забѣжалъ, зарызалъ собаку»; «портной Спюхонинъ носъ свояченицъ своей откусилъ»; «Калстратовымъ ворота дегтемъ помазали»; «на базарѣ живую русалку показывали». Словомъ, жизнь провинціальнаго русскаго города не выходитъ изъ рамокъ «хроникъ происшествій». Что касается самихъ окуровскихъ обитателей, то — «подойдешь поближе къ человѣку, а онъ порогитъ обмануть, обидѣть...» Воспитаніе подрастающаго поколѣнія состояло въ томъ, что дѣтей били съ утра до вечера: «имъ давали таски, потасовки, трепки, выволочки, подзатыльники, плюхи и шлепки, съжили березовыми прутьями, порозли ремнями». Отношеніе къ женщинамъ — «хуже скотскаго». И, какъ неизмѣнный прирѣкъ, звучитъ изъ устъ обывателей города Окурова, приглядѣвшихся ко всему этому, слово: «скушно!» Люди же, непривычные къ такой жизни, живущіе въ кругу другихъ интересовъ, знакомясь съ окуровскими нравами, говорятъ: «Страшно!»

Если бы можно было признать, что повесть Горькаго въ самомъ дѣлѣ является вѣрнымъ отраженіемъ русской жизни за послѣдніе полвѣка, почти вплоть до нашихъ дней (дѣйствіе ея заканчивается примѣрно лѣтъ за десять до настоящаго времени), то, пожалуй, пришлось бы согласиться съ тѣмъ, что это «страшно». Но, внимательнѣе приглядѣвшись къ картинѣ, нарисованной писателемъ, мы увидимъ, что передъ нами вовсе не уѣздный російскій городъ, — съ его жизнью, порою нѣсколько однообразной, но неизменно своей привлекательности, и съ его обывателями, не обладающими подчасъ вѣщимъ культурнымъ доскомъ, но ничуть не утратившими вследствие этого человѣческаго образа и подобія. Горькій по-просту взялъ и изобразилъ большихъ разбродъ «ночлежку», — подобную той, которую мы знаемъ по его нашествію въ свое время шестъ «На днѣ», — и хотеть увѣрить простодушныхъ читателей, что въ тѣсныя и грязныя стѣны этой ночлежки можетъ быть втиснута чуть ли не вся Россія. Однако, и героевъ горьковскаго почлежнаго дома признать за вполне рельефныхъ людей было бы несправедливо. Всѣ они напичканы афоризмами, которыми они сыплютъ направо и налево, но если бы, вслѣдствіе какой-нибудь типографской шалости, изреченія Сатина были преподнесены намъ, какъ сентенціи странника Луки или даже кривоника Кривоного-Зоба, а афоризмы лукаваго старца были приписаны барону или дворянину Настѣ и т. д., то несчастье отъ этого существенно не измѣнилось бы, такъ какъ въ уста всѣхъ персонажей авторъ вкладываетъ свою собственную житейскую философію, свои плоды «ума печальныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ». Точно также лишены индивидуальности въ своей умственной и душевной жизни и окуровскіе обыватели. Читатель различаетъ ихъ по нѣкоторымъ вѣншимъ примѣтамъ, — кривому глазу у одного, шраму у другого, горбу — у третьяго и т. д., — но если онъ, по прочтеніи «Матвѣя Кожемякина», будетъ брать наудачу рѣчи то одного, то другого изъ дѣйствующихъ лицъ, и будетъ стараться припомнить, кому именно они принадлежатъ, то несомнѣнно онъ во многихъ случаяхъ ошибется. «Положено намъ судьбой житьъ въ азартѣ», или: «чтобы человѣка осудить, надо съ годъ подумать» — это стили отъ Матвѣя Коже-

Поручикъ ин. Петръ Владим. УРУСОВЪ, павшій въ бою.

Подпоруч. Н. В. СКУРСКІЙ. Скончался отъ ранъ.

мякина. «Человѣческое всегда лобопытно, поучительно и должно быть сохранено для потомства»; «всякое дѣло есть забава и всякая забава дѣло», — это изъ запаса афоризмовъ дьячка. Отъ него не отстаютъ старый солдатъ Пунжарь: «Дружба съ человѣкомъ — это не грибокъ, въ лѣсу не найдешь». Пѣвичій изречаетъ: «Скучающій мы народъ, Русскіе-то. И отъ скуки выдумываемъ разное»; дворянскъ разсуждаетъ: «Вездѣ есть люди въ родѣ червяковъ на кладбищѣ: есть священный покойничекъ, — займутся, сокрутъ; нѣту — промежу себя шевелятся». Какъ и въ «ночлежкѣ», есть здѣсь Татаринъ, — слабая попытка изобразить нѣкоторое подобіе «полужительнаго типа», — не уступающій другимъ въ умѣнн игольнуть подходящими къ случаю афоризмомъ; русскаго человѣка онъ, напр., характеризуетъ такъ: «Языкъ

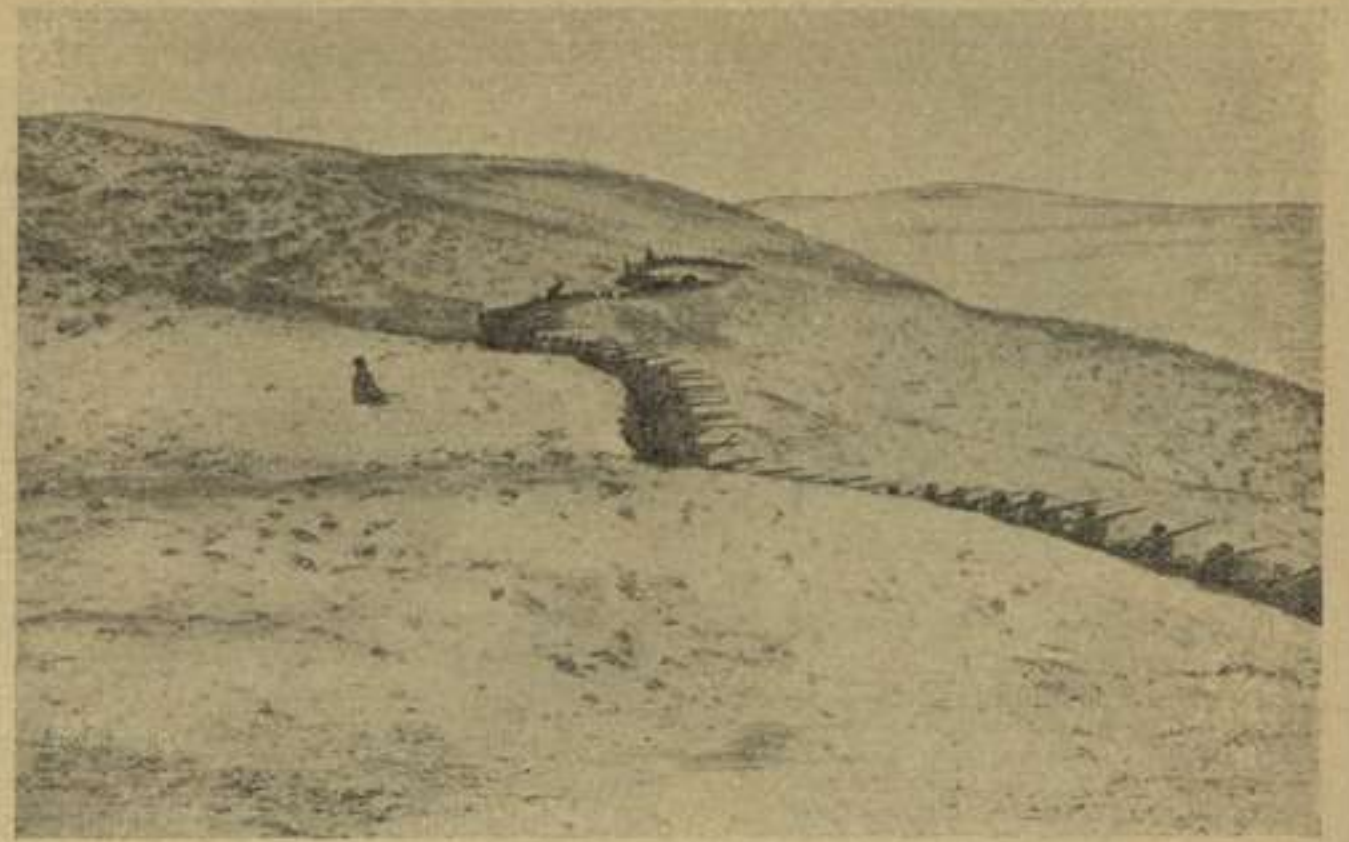

Лейтен. Г. Г. ПЛАНСОНЪ, убитъ въ бою.

СЪ НАМИМИ ВОЙСНАМИ НА КВКАЗЪ.

На войнѣ въ праздникъ.

Окопы во время боя.

Съ фот. Г. Симанова.

Ген.-м. Н. А. БРНОЗОВСКІЙ,

Н. А. Брнзовскій—участникъ русско-турецкой войны 1877—78 г.г., китайскаго похода и защитникъ Портъ-Артура, гдѣ былъ четыре раза раненъ и контуженъ. Въ настоящую войну

награжденъ орд. св. Георгія 4 ст.

Подполк. Н. В. ОРЛОВСКІЙ, командиръ инно-артил. дивизиона. Награжденъ орд. св. Георгія 4 ст.

Военный летчикъ, поруч. В. А. ПАВЛЕНКО, награжденный Георгіевскимъ оружіемъ.

верстой, душа пустой, смѣшной чудака-судака». Наконецъ, цѣлый рядъ дѣствующихъ лицъ соперничаетъ со странникомъ Лукой въ его приспособляемости къ чловѣческимъ слабостямъ философіи. Достаточно указать хотя бы на стаяжанина въ домѣ Кожемякина славу мудреца Маркушу, который, по поводу доверчивости окружающихъ къ его словамъ, разсуждаетъ въ такомъ напр., родѣ: «Такъ ли оно тамъ, не такъ ли, скажешь имъ—ну, они будто угѣшеніе получаютъ, отстаютъ будто, глупые!» или: «Я знаю дѣло: во что ни вѣрь—умрешь».

Въ концѣ концовъ получается, однако, какъ бы нѣкоторое противорѣчіе: люди—что ни человекъ, то мудрецъ, всѣ они наперерывъ блещутъ глубокомысліемъ, краснорѣчіемъ, пониманіемъ жизни. Казалось бы, что въ такомъ обществѣ и самая жизнь должна бы быть интересной, полной содержания, а вмѣсто этого выходитъ—«скушно» и «страшно». Ларчикъ открывается просто. Горькому нужно было сгустить краски при изображеніи русской дѣйствительности для того, чтобы на темномъ фонѣ рѣзче выдѣлялись свѣтлыя фигуры новыхъ людей, призванныхъ возродить чловѣчество. Это попавшіе въ городъ Окуровъ «политическіе»,—постоялка Кожемякина и дядя Маркъ. Въ нихъ, разумется, все необыкновенно, удивительно, и напрасно стали бы мы искать въ нихъ какихъ-либо чловѣческихъ слабостей и недостатковъ. «Постоялка» разсказывала Кожемякину «о хорошихъ людяхъ, которые хотѣли научить русскій народъ добру».—«и за это были посажены въ тюрьмы, сосланы въ Сибирь», а онъ «слушалъ разсказы о ихъ жизни и подвигахъ благоговѣнно и участливо, какъ житія святыхъ» (!). Но еще удивительнѣе дядя Маркъ, при встрѣчѣ съ которымъ Матвѣй «сразу какъ будто перепрыгнулъ въ новый міръ». После перваго же разговора съ нимъ онъ вышелъ на улицу «точно изъ бани (sic!), чувствуя себя чистымъ и легкимъ», а когда дядя Маркъ пришелъ къ нему въ гости, то «показалось, какъ будто въ домѣ выставили рамы, а всѣ комнаты наполнились бодрымъ весеннимъ воздухомъ». Этотъ дядя Маркъ «все знаетъ» и «прощупалъ людей умомъ своимъ до глубины». Вѣроятно, для того, чтобы у иного читателя не явилось сомнѣніе насчетъ того, дѣйствительно ли достаточно глубоко этотъ удивительный дядя Маркъ «прощупалъ» чловѣчество, приводятся нѣкоторые образчики его умственной глубины, напр.: «Надо, чтобы всѣмъ было хорошо, а иначе—всѣмъ и всегда будетъ плохо». Это удивительное «откровеніе» произвело на Матвѣя потрясающее впечатлѣніе и «пролило передъ нимъ свѣтъ на всю жизнь». Можно было бы указать еще на

Елена Влад. КОВАЛЕВСКАЯ, старшая сестра милосердія питательно-перевязочнаго пункта. За самоотверженную работу подъ огнемъ непріятеля награждена Георгіевской медалью 4 ст.

Хорунжий О. И. ЛЕБЕДЕВЪ, награжденный Георгіевскимъ оружіемъ.

нѣсколькихъ лицъ, также заслуживающихъ одобреніе автора потому, что они одной волей и ничтожестію тѣхъ, кто самозванно хотѣлъ присвоить себѣ роль ея руководителей, особенно странной кажется веденныхъ примѣровъ достаточно, чтобы попытка изобразить Россію въ видѣ города можно было составить себѣ представленіе Окурова громадныхъ размѣровъ, въ которомъ до какой степени фальшива и перомъ единственными «праведниками» являются эта слащавая идеализація людей, коюются люди въ родѣ дяди Марка, сидѣвшато въ повѣсти Горькаго «все знаютъ», по нивному замѣчанію въ дѣйствительной же жизни ничего Матвѣя Кожемякина, «трудно разобрать, знать не хотѣть, кромѣ десятка или двухъ сколько разъ», убогихъ брошюрокъ, составляющихъ со-

крещеницу «партиіной литературы». Въ переживаемое нами время, когда такъ ярко выразилось и величіе настоящей Руси, объединившейся въ одномъ чувствѣ и въ званно хотѣлъ присвоить себѣ роль ея руководителей, особенно странной кажется попытка изобразить Россію въ видѣ города можно было составить себѣ представленіе Окурова громадныхъ размѣровъ, въ которомъ до какой степени фальшива и перомъ единственными «праведниками» являются эта слащавая идеализація людей, коюются люди въ родѣ дяди Марка, сидѣвшато въ повѣсти Горькаго «все знаютъ», по нивному замѣчанію въ дѣйствительной же жизни ничего Матвѣя Кожемякина, «трудно разобрать, знать не хотѣть, кромѣ десятка или двухъ сколько разъ», убогихъ брошюрокъ, составляющихъ со-

10—лѣ.

Обстрѣлъ непріятельскаго аэроплана изъ пулемета, помѣщеннаго въ окопѣ.

ВЕСЕННЯЯ ВЫСТАВКА 1915 ГОДА.

Покоримъ на досугъ! Ориг. рис. А. Прожецлавскаго.

КУРДЪ-доброволецъ турецкой арміи.—Картина Ст. Колесникова. Съ фот. Косм. Глазубовскаго.

Прав. С. САНГОВИЧЪ, награжденъ Георгіевскимъ крестомъ 4 степ.

менитого зайца—развѣ въ значительно «поблизшемъ» видѣ. И ужъ что будетъ дѣлать въ эти непредвидѣнные времена г. Мережковскій,—я не могу себѣ представить...

Можно сказать одно: ложь до добра не доводитъ. Его книжка могла бы быть очень интересной, если бы въ самомъ дѣлѣ ставила sine ira et studio вопросъ о религиозномъ устремленіи и метафизической цѣнности Тютчева и Некрасова. Это дѣлѣ такія темы, на которыя при критическомъ талантѣ г. Мережковскаго (умѣніи освѣтить и понять чужую литературную личность) можно было бы написать нечто «окончательное» или, по крайней мѣрѣ, такое, съ чѣмъ приходилось бы считаться всякому, подходящему къ той же темѣ. Когда-то, въ болѣе «свободныя» времена, г. Мережковскій именно такъ и писалъ (его характеристика Майкова, Гончарова, отчасти даже Толстого и Достоевскаго). Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ нарочито воспѣвать «свободу»,—онъ сталъ

собственно заставило писателя такъ давнихъ поръ раздвигало, растривало и безнадежно «шлепнуться»? Я устранило четверговало его художественное критическое творчество. Есть какой-то трагизмъ кому же неясно, что «дѣлая» карьера такъ въ этой «непримиримости» двухъ «или»—же практически удобна въ русской журналистикѣ послѣднихъ лѣтъ, какъ «правая», То же и здѣсь: или явно желанный (и, напр., въ «бюрократическихъ» сферахъ, жется, втайнѣ немилый) Некрасовъ съ Но какова «метафизическая» подкладка его яко бы религиозной и христіанской этой метафоры?

Мнѣ кажется, книжка даетъ на это довольно точный отвѣтъ. Писатель прежде всего безнадежно занутался (или, точнее, раздвоился) между двумя полюсами, олицетворяемыми въ книжкѣ этими двумя именами: Некрасовъ и Тютчевъ. Ахъ, эта проклятая полярность! Она до добра не доводитъ и всегда была какою-то тайнымъ Впечатлѣніе получается, что пріемами прагомъ Мережковскаго. Стремленіе къ схематичности, философи не обособивъ изгнать изъ себя крѣпко засѣвшее другое (ужъ какой онъ философ!), а главное—внутренне не примиренное, ужъ съ надеждою: ужъ давно и усердно, цѣлыми

Тайны г. Мережковскаго.

Отъ этой книжки немного тошнить... Бросается въ глаза фальшь писателя, когда-то такого искреннаго въ своихъ поискахъ и мечтаніяхъ, но уже давно завязшаго въ попутномъ болотѣ, погнавшаго за радикальнѣе зайцемъ. Зайца г. Мережковскій такъ и не поймалъ: въ радикальныхъ кружкахъ и журналахъ съ нимъ все-таки не считаются серьезно, и никто еще не обратился отъ либеральнаго «безбожия» къ мѣрѣ въ «религиозную революционность» или «революционную религиозность», куда такъ настойчиво звалъ желавшій совмѣстить левое съ правымъ испугавшійся «зайца» писатель. Теперь уже слишкомъ ясно, что «этотъ номеръ не прошелъ». Да послѣ войны врядъ ли мы увидимъ и самого зна-

Шт.-Кап. Н. И. СПЕРАНСКІЙ, награжденный орденомъ св. Георгія 4 степ.

* Д. С. Мережковскій. «Двѣ тайны русской поэзіи. Некрасовъ и Тютчевъ». Москва, 1915. Стр. 123. Ц. 50 к.

работъ, а минутами даже «лансеетъ мыслей благородныхъ»... Что, какъ не лакейство, такъ, напримѣръ, выхода противъ «ретрограднаго» Тютчева:

«У Достоевскаго Свидигойлову снится сонъ: мертвая дѣвочка встаетъ въ гробу и тянется къ нему съ нечистою ласкою—такова природа Тютчева» (стр. 86).

Съ такимъ «перусердіемъ» нельзя «приты», ни опровергать,—можно только «указать и пройти мимо». Да еще показать многострадальную «демократію», у которой находится такіе «угодики», какъ г. Мережковскій, пишущій о ней: «уже и теперь на чель демократіи—тотъ же языкъ огненный, знаменіе Духа, какъ въ-когда на чель церкви» (стр. 25).

«Лыстень, лыстень! Старайтесь сохранять!»

Да, пахнетъ отъ книжки неважно...

Но задержимъ дыханіе и постараемся какъ-нибудь перешагнуть черезъ впечатлѣніе. Любопытный вопросъ: что

Еина Ая-др. ЛЕБЕДЕВА, сестра милосердія Клауфманской общины, работающая въ Лазаретъ № 2 Мраморнаго дворца. За работу подъ огнемъ неприятеля награждена Георгіевской медалью.

ПОДГОТОВКА ЖЕНЩИНЪ ВЪ АНГЛІИ КЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ.

Въ настоящее время въ Англій формируются отряды изъ женщинъ, которыя займутъ въ арміи нестроевыя должности (телефонистовъ, сигнальщицъ, шоферовъ, писарей и т. д.) и такимъ образомъ освободятъ много мужчинъ для боевой службы. На нашемъ рисункѣ изображено обученіе сигнализациі флагами. На лѣвой сторонѣ рисунка—г-жа Парнеръ, сестра лорда Нитченера, англійскаго военнаго министра. По ея инициативѣ начали формироваться женскіе отряды.

Ген. Н. Н. ЛАКСЪ, раненъ.

лошадиными дозами, глотаетъ г. Мережковский всё эти «свободы» и прочія демократическія приманки, а «концунственная» греза о какомъ-то «блѣномъ клубукѣ» все сидитъ, да сидитъ въ послѣднихъ глубинахъ его «умопостигаемаго я». Этотъ блѣный клубукъ по-истинѣ геодезъ прибитъ къ г. Мережковскому...

И поэтому, въ концѣ концовъ, забываешь первоначальное попятное впечатлѣніе, и закрываешь книгу съ улыбкой. Г. Мережковский такъ любилъ открывать чужія «тайны». «Угодно ль на себѣ примѣрять?». Миѣ кажется, «тайна» г. Мережковского именно въ томъ, что онъ жаждал то, чему внутренно кланяется, и наружно воздавать поклоны тому, что въ сердцѣ своемъ скрываетъ. И оттого именно кланяется такъ усердно—стучитъ, не жалея...

П. Перцовъ.

Вокругъ войны *

Въ Москвѣ издается серия публичныхъ лекцій, прочтенныхъ разными авторами на темы, вызванныя войной. Эта серия началась брошюрой г. Ильина, и нельзя сказать, чтобы начало было удачно. Конечно, правда, что мы всё захвачены войной, что «она создала возможность взаимнаго пониманія и доверія», что во время войны нужно жертвовать всёю до жизни включительно, что лучше быть добровольцемъ, чѣмъ дезертиромъ, что не всякая война можетъ быть оправдана, что хороша только та война, которая защищаетъ духовныя цѣнности народа, что въ этомъ смыслѣ мы

* Серия «Война и культура». П. А. Ильинъ. «Духовный смыслъ войны». М. 1915. Стр. 48. Ц. 25 коп.

Почетн. опекунъ ген.-отъ-арт. Влад. ин. ХЛІВНИКОВЪ. †9 февраля. В. Н. Хлѣбниковъ службу началъ въ Гв. Конной-Артиллеріи—участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ 1877—78 г.г. за боевыя отличія былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 4 степ. съ мечами и бантомъ и золотымъ оружіемъ.

ведемъ сейчасъ духовно-оборонительную войну, и что, наконецъ, намъ необходимо побѣдить врага, угрожающаго самому духовному бытію Россіи. Все это такъ. Но, пожалуй, уже слишкомъ такъ, и повторенное въ формѣ «общаго разговора», безъ всякаго оттенка индивидуальной мысли или чувства, производитъ даже нѣсколько досадное впечатлѣніе. Если война есть нѣчто важное и серьезное, то и относиться къ ней нужно немного серьезнѣе...

Г. Ильина подкупаетъ, повидимому, обаятельная легкость, съ которой «летитъ» эта его лекція. Но «она мысли не спотыкнешься въ ней»... А когда авторъ хочетъ преградить бойный потокъ такимъ препятствіемъ, получается нѣчто сомнительное. Такъ, очень сомнительно, что «война учитъ насъ провѣрять свою жизнь», и каждый идущій въ ряды арміи долженъ спросить себя: «какова была твоя жизнь доселѣ? что ты любилъ? о чемъ старался?» и т. д. Все это—отъ «четкаго разума», а на дѣлѣ, къ счастью, все обстоитъ гораздо проще и непосредственнѣе.

Еще сомнительнѣе, будто смерть гения испытывается народомъ, какъ общее потрясеніе (стр. 30—31). Самъ же авторъ стмѣчаетъ, что смерть Пушкина и другихъ прошла въ массахъ незамѣченной. Если смерть Толстого взволновала общество, то въ виду его исключительной популярности, да народныя глубины и она не затронула...

Съ чѣмъ охотно соглашаешься въ книгѣ,—это съ пожеланіемъ, чтобы (благодаря войнѣ) всё иностранцы и, главное, Нѣмцы разсмотрѣли, наконецъ, духовную самостоятельность и духовную глубину Россіи и стали «изучать» прежде всего русскій языкъ съ тѣмъ вниманіемъ и съ той любовью, съ какими мы изучаемъ итѣ языки». Дѣйствительно, если результатомъ этой войны будетъ упроченіе мировой роли Россіи, то на положеніе мирового языка станетъ выдвигаться и золотая русская рѣчь, всей цѣности которой мы сами еще не понимаемъ. А тогда уменьшится, надо надѣяться, число охотниковъ смѣнить ее на искусственные и природныя «малые» языки.

П. П.—въ.

Въ стилѣ русскаго народнаго творчества.

Стилизаторы новѣйшаго періода нашей литературы въ большинствѣ случаевъ грѣшатъ значительною долею малерности. Отчасти это обусловлено самими условіями стилизаторскаго творчества: нужна исключительная способность перевоплощаться въ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ эпохамъ и къ самымъ разнообразнымъ классамъ общества, чтобы, ведя разговоръ отъ ихъ имени, сохранить въ то же время ту искренность тона, которая одна даетъ повѣствованію убѣдительность. При отсутствіи же этой способности писателю приходится только «притворяться» то древнимъ римляниномъ, то средневѣковымъ монахомъ, то художникомъ времени возрожденія, но изъ-подъ надѣтой имъ на себя маски все же будетъ проглядывать кривляющаяся и манерничавшая литература нашихъ дней. Въ лучшихъ условіяхъ находятся въ данномъ случаѣ тѣ изъ писателей, стилизаторскіе опыты которыхъ не выходятъ изъ круга народныхъ легендъ, сказокъ, повѣрій и т. п. Русское народное творчество способно до такой степени захватить писателя и наложить на него свой отпечатокъ, что становится уже какъ бы второю, «благопріобрѣтенною» его индивидуальностью. Изъ старыхъ писателей это можно было наблюдать на Н. Лесковѣ, изъ писателей нашего времени захваченнымъ волною сказочнаго и былиннаго эпоса является А. Ремизовъ. Въ его книгѣ «За святую Русь»*, кромѣ статьи «По-

* Алексѣй Ремизовъ. За святую Русь. Думы о родной землѣ. Изд. журнала «Отечество». Петроградъ. 1915 г. Стр. 57. Ц. 40 коп.

ГАЛЛЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Управляющій дѣлами Совета Министровъ, въ должности шталмейстера Емсчайшаго Двора И. Н. ЛАДЫНЕНСКІЙ.

Изъ Edmond Harancourt.

(Книга: L'Âme nue, стихотв. «Le cheval de faste»).

И день, и ночь, вездѣ, по льду скользи зимой,
И лѣтомъ отъ жары жестокой изнывая,
То подъ дождемъ дрожа, нощь раздувая свой,
Всю жизнь бѣжить она устала, болящая.
Кожками грива шею облегла
Израилася слани, обь упряжь патараасъ
И дребезжатъ стальные удила,
Въ заунойный звонъ внезапно разро-
станься.

Какъ мысли кроткія, ея глаза блистаютъ,
Склонивши голову она перебираетъ
Страданій рядъ и зла прошеніе съ нимъ,
Созданье бѣдное, гонимое отъ вѣка,
Которое мы назвали бѣ святымъ,
Когда бѣ ему Господь далъ образъ чело-
вѣка.

П. Давыдовъ.

«ПЕЩЕРНОЕ ИСКУССТВО» XX ВѢКА.—ЗАГАДКА ДЛЯ АРХЕОЛОГОВЪ БУДУЩАГО!

Работы французскихъ солдатъ въ известняхъ подъ Суасономъ. Зувѣ-скульпторъ около профиля Наполеона и «Побѣдоносной Республики».

НА КАНАЗНОМЪ ФРОНТѢ.

Полевая хлебобекерия.

Отправка хлеба съ тыла на передовыя позиціи.

«ЧЕРНЫЙ ПАПА».

Евдзимиръ ЛЕДОХОВСКИЙ, избранный 11 февраля въ Римъ капитуломъ ордена иезуитовъ XX «генераломъ» этого ордена, вмѣсто умершаго Вернца.

Мелочи.

Англійскій солдатъ и спортъ.

Англичане—спортсмены по преимуществу. Такими остаются они и на войнѣ. Во всѣхъ лагеряхъ Англичанъ вы непременно найдете футболъ, ругби и другія излюбленныя спортивные игры. Въ траншеяхъ лихорадочно обсуждаются результаты какого-либо большого матча по ту сторону Ламанша, и газеты съ недѣльнымъ отчетомъ спортивнаго отдѣла вырываются солдатами другъ у друга изъ рукъ. Одинъ Французъ, ординарецъ

Піанистъ іос. Мих. МИНЛАШЕВСКИЙ, директоръ музыкальнаго института въ Петроградѣ. Къ его концерту 10 марта въ залѣ Петроградской консерваторіи.

Жоффра, съ юморомъ рассказываетъ, какъ онъ изумился, прибывъ въ ставку генерала Френча и заставъ тамъ невѣроятное ликование.

«Въ первую минуту мнѣ пришло было въ голову,—говоритъ онъ,—что Англичане одержали какую-либо крупную частичную побѣду надъ Нѣмцами. Но оказалось, что это была только партія rugby, выигранная кѣмъ-то въ Оксфордѣ!».

Любопытенъ также докладъ одного нѣмецкаго офицера-авиатора, съдѣланный имъ послѣ воздушной развѣдки. Бумаги штаба попали случайно въ руки Англичанъ, и они не мало смѣялись надъ наивнымъ самообольщеніемъ Германца.

— Я пролеталъ на обратномъ пути,—пишетъ авиаторъ,—надъ англійскимъ лагеремъ въ Р. При видѣ моего аэроплана солдаты были охвачены неопредѣлимой и непонятной паникой. Они метались по площадкѣ взадъ и впередъ, какъ безумные, жестикулируя и прыгая...

Англійскій полковникъ прочелъ эти строки Французъ-авиатору, прибывшему съ довереніемъ, захлебываясь отъ смѣха, и заключилъ: «Какой оселъ! Боже, какой онъ оселъ! Въдъ мои люди разгрызвали партію футбола въ свободныя часы!».

Въ своихъ письмахъ англійскіе «Томми», описывая ту жизнь кротовъ, которую имъ приходится вести въ траншеяхъ, радостно замѣчаютъ: «Если сегодня не убьютъ, то завтра насъ смѣнятъ. Можно выспаться и поиграть въ волю въ футболъ».

Появленіе аэроплановъ—огромное развлеченіе для траншейныхъ заточниковъ: они обсуждаютъ сравнительныя достоинства каждаго типа, внимательно слѣдятъ за всѣми эволюціями его и аплодируютъ при удачной петлѣ или виражѣ.

Кстати, любопытно отмѣтить, какъ относятся индійскія войска къ аэропланамъ: они не могутъ пропустить ни одного безъ того, чтобы не стрѣлять въ него. При этомъ они совершенно не принимаютъ во вниманіе національности воздушной птицы, а стрѣляютъ съ яростію и ожесточеніемъ, движимые непонятнымъ инстинктомъ дикаря. Стоитъ имъ услышать характерное гудѣніе мотора, какъ всѣ ружья изъ окопа выставляются вверхъ и подымается ожесточенная пальба. Тутъ ужъ безполезны крики и брань офицера: Индусы стрѣляютъ, забывая все окружающее, и англійскіе аэропланы, зная эту особенность индійскихъ «гурки», избѣгаютъ кружиться надъ ихъ окопами.

Предсказаніе объ окончаніи войны.

Кажется, никогда еще предсказанія и пророчанія не были въ такой модѣ, какъ мы это наблюдаемъ въ настоящую кампанію. Всѣ иностранныя журналы изобилуютъ самыми разнообразными предсказаніями.

Мы приводили уже многія изъ этихъ предсказаній и занимаемъ еще нѣсколько послѣднихъ страницъ, которыя триумфально предложены были своимъ читателямъ однимъ изъ французскихъ ежемѣсячниковъ.

Авторъ статьи ссылается на то, что исторія даетъ намъ примѣры, когда предсказанія исполнялись въ точности. Такими, напримѣръ, всѣ гороскопы знамени-

того Пострадамуса, астролога Екатерины Медичи, предсказавшаго революцію.

Любопытно отмѣтить, что въ Парижѣ до сихъ поръ сохранилась башня дворца Пострадамуса, съ которой онъ производилъ свои астрологическія наблюденія. Истребъ огромный паркъ, окружавшій дворецъ, разрушенъ и самый дворецъ, на мѣстѣ былого кладбища «Невинныхъ»—des Innocents,—находящагося къ востоку отъ парка, раскинулись огромныя Halles Centrales.—«Брюхо Парижа» по мѣткому, хотя и не эстетическому опредѣленію Э. Золя, а башня средневѣковаго астролога сохранилась и прилѣпилась сбоку къ позднѣйшей архитектуры зданію... хлебной биржѣ Парижа!

До сихъ поръ мы приводили только германскія предсказанія, теперь нашли въ городкѣ Коттре въ старыхъ архивахъ города рукопись 1700 года, заключающую слѣдующія характерныя указанія, сбывшіяся уже:

«Когда коляски безъ лошадей будутъ бороздить наши дороги.

«Когда люди будутъ говорить съ одного конца земли на другой,—

«Въ году 1914 — май заговорить о войнѣ,

«Юль рѣшить ее,

«Юль объявить ее,

«Августъ увидитъ слезы матерей и женъ»...

Развѣ не сбывлись вполнѣ эти предсказанія? «Коляски безъ лошадей»—это автомобили; благодаря телефону слово проносится черезъ пространства, свиданіе Вильгельма II съ эрцгерцогомъ Австріи проходило въ маѣ, сараевское убійство въ юнѣ, германская мобилизація въ юнѣ, германская мобилизація въ юнѣ.

Но когда же окончится эта война? На этотъ счетъ, помимо старинныхъ пред-

сказаній, мы имѣемъ свидѣтельство двухъ современныхъ авторитетовъ—ш-ше де-Табъ и графа Уго-Баскieri.

М-ше де-Табъ въ недавней бесѣдѣ съ редакторомъ одного вліятельнаго журнала заявила: «Война окончится въ первой трети будущаго астральнаго года, т.е. между 21 марта и 21 юля 1915 года.

Объ Итальянцѣ графѣ Уго Баскieri мы мало знаемъ, но онъ изумляетъ европейскихъ ученыхъ своимъ даромъ предвидѣнія. Такъ, напримѣръ, въ августѣ 1906 года, находясь въ Чили, въ Сантъ-Йго, онъ предсказалъ на 16 августа сильное землетрасеніе, и слова его въ указанный день дѣйствительно сбывлись.

Уго Баскieri назначаетъ даже день окончанія войны—это 27 апрѣля,—по нашему стилю 14 апрѣля—1915 года, утверждая, что въ этотъ день окончательно сломленная и униженная Германія согласится на всѣ требованія побѣдителей-союзниковъ.

Осталось ждать немного до этой даты, меньше двухъ мѣсяцевъ! 14 апрѣля мы увидимъ, правъ ли предсказатель.

Три дебюта Сарры Вернарь.

«Великая Сарра», какъ ее называютъ Франгузы, вновь приковала къ себѣ вниманіе всего міра. Послѣ операціи толпы антегисъеровъ наводнили ея окрѣпости въ глубинѣ одного изъ сѣверо-западныхъ кварталовъ Парижа, и неуваждаемая артистка сообщила, что ампутація ноги не помѣшаетъ ей выступить публично послѣ войны. По этому поводу интересно припомнить впечатлѣнія извѣстнаго Феликса Дюкенеля, бывшаго администратора «Одеона», о первыхъ дебютахъ Сарры Вернарь.

ХЛѢБЪ «Н. Н.».

Хлѣбъ изъ ржаной муки съ примѣсью картофеля, отрубей и тертыхъ бобовъ, которымъ теперь питается вся Германія,—знаменитый «Н. Н.».

Какъ известно, великой артисткѣ не повезло въ началѣ ея сценической карьеры. Ея изумительная худоба, заслужившая ей отъ драматурга Ал. Дюма острому кличку: «Метла съ головой иглою», производила столь неблагоприятное впечатлѣніе на антрепренеровъ, что они категорически отказывались включать ее въ составъ своихъ труппъ.

По выпускѣ изъ консерваторіи Саррѣ Бернарѣ, благодаря связямъ ея матери, удалось получить свой первый дебютъ въ Comédie Française. Но этотъ дебютъ былъ столь неудаченъ, что явился почти равносильнымъ провалу.

Въ теченіе цѣлаго года молодая артистка пыталась притронуться къ какому-либо изъ театровъ, но безуспѣшно.

Въ 1866 году Феликсъ Дюкенель, назначенный однимъ изъ администраторовъ «Одеона», началъ усиленно искать артистку на первыя роли и обратился за помощью къ Камиллу Дусе, заведующему театральнымъ отдѣломъ министерства искусства.

Но Дусе отнесся скептически къ стремленіямъ Дюкенеля. «Среднихъ артистокъ сколько угодно,—заявилъ онъ,—но таланта... Нѣтъ, у меня нѣтъ въ запасѣ такой рѣдкости». На просьбы Дюкенеля указать ему хотя бы способную молодую артистку, Дусе, послѣ нѣкотораго колебанія, замѣтилъ: «Попробуйте Сарру Бернарѣ. У нея очаровательный, поистинѣ «золотой» голосъ, но она худа, какъ щепка, и съ шумомъ провалилась уже во «Французской комедіи» и въ «Гимназѣ». По моему мнѣнію, это артистка съ будущимъ, если только она располнѣетъ и не будетъ оскорблять эстетическое чувство зрителя своей невѣроятной худобой»,—закончилъ онъ, смѣясь.

Такимъ образомъ былъ рѣшенъ второй серьезный дебютъ Сарры Бернарѣ, давшій ей возможность проникнуть въ театръ «Одеонъ», гдѣ ей суждено было найти успѣхъ и славу.

Однако и второй дебютъ оказался весьма неудачнымъ.

Директоръ «Одеона» заключилъ съ нею контрактъ на 100 франковъ въ мѣсяцъ, оставивъ за собою право нарушить его по истеченіи полугода въ случаѣ неуспѣха артистки.

Сарра Бернарѣ выступила 15 августа, къ дню рожденія Наполеона III, въ безплатномъ спектаклѣ. Меланхолическая роль Ариеса изъ «Федры» была проведена ею безо всякаго подъема, и даже нетребовательная безплатная публика выразила свое неодобреніе за выборъ подобной артистки.

Только усиленные настоянія Ф. Дюкенеля удержали директора «Одеона» отъ немедленнаго нарушенія контракта.

Въ своихъ мемуарахъ Сарра Бернарѣ поохотно останавливается на этихъ двухъ первыхъ серьезныхъ дебютахъ своихъ.

Для самолюбивой, честолюбивой артистки, твердо вѣровавшей въ свою лѣзду, эти первые годы непрерывныхъ разочарованій остались въ видѣ черной полосы, перерѣзавшей ея усѣбную триумфами жизнь!

Незначительный успѣхъ въ пьесѣ «Кингъ» далъ возможность Дюкенелю подержать съ большимъ успѣхомъ свою

протее, въ будущность которой онъ вѣрилъ не менѣе ея самой.

Мы подходимъ теперь къ самому 14 января 1869 года огни рампы «Одеона» открыла публикѣ сразу два талан-

та, двѣ славы Франціи: Франсуа Коппе и Сарру Бернарѣ.

Франсуа Коппе, мелкій чиновникъ военнаго министерства и начинающій, никому еще неизвѣстный поэтъ, пришелъ въ полбѣ 1868 года премьершѣ «Одеона», артисткѣ Агарѣ, одноактную пьеску въ стихахъ, подъ заглавіемъ «Прохожай».

Эта прелестная вещица изъ средневековой флорентинской жизни очаровала Агарѣ, и она отправилась немедленно къ директору театра, Шилли.

Въ моментъ ея появленія Шилли готовился, послѣ утомительной репетиціи, отправиться обѣдать.

— Я прислала вамъ жемчужину!— вскричала Агарѣ, влетая вихремъ въ его кабинетъ и размахивая сверткомъ рукописи.

— Быть можетъ въ стихахъ?—прошепталъ осмѣдившись Шилли.

— Да! въ стихахъ... И какихъ стихахъ!

— Я ужо обѣдаю...

— О, нѣтъ, прочтите раньше эту пьеску... одинъ актъ, здѣсь всего на десять минутъ чтенія.

Шилли началъ читать и увлекся такъ, что принялся декламировать «Прохожай», совершенно забывъ объ усталости и голодѣ.

Пьеска была тутъ же принята, но кому отдать роль Занетто?

— А «маленькая Сарра»?—напомнила ему Агарѣ,—у нея прелестный голосъ.

— Что вы? А ей худоба? Какъ же мы ее вышлемъ на сцену въ роли трагистки! Впрочемъ,—закончилъ онъ послѣ мгновеннаго раздумья,—ей можно дать трико, подбитое ватой.

Въ это мгновеніе рѣшилась участь Сарры Бернарѣ и загорѣлась ея артистическая звѣзда.

14 января 1869 года былъ вечеромъ небывалаго триумфа для «Одеона». Публика ожидала увидѣть незначительную одноактную пьеску и увидѣла перлъ искусства.

«Маленькая Сарра» сразу стала «великой», и публика открыла ее, эту славу французской сцены, въ этотъ вечеръ.

Никому неизвѣстная наканунѣ, Сарра Бернарѣ, которой приходилось вымаливать роли изъ милости и служить на 100 франковъ въ мѣсяцъ, внезапно выросла за этотъ вечеръ, и на слѣдующее утро десяткіи авторовъ прислали ей письма съ просьбой принять роли въ ихъ пьесахъ.

Этотъ третій дебютъ былъ самымъ рѣшительнымъ въ жизни Сарры Бернарѣ и далъ ей возможность осуществить всѣ свои замыслы, добиться самыхъ колоссальныхъ триумфовъ и стать мировой извѣстностью.

И не заслужила ли Сарра Бернарѣ титулъ «неувядасмой», если черезъ 46 лѣтъ, почти полвѣка, послѣ этого перваго триумфа, она все еще не отказывается отъ артистической карьеры!

НОВАЯ ТЯЖЕЛАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ АРТИЛЕРІЯ.

ОРУДІЯ НА ПОЗИЦІИ. Прислуга прикрыта особыми стальными щитами.

РАБОТЫ ДЛЯ РАНЕНЫХЪ.

Салонная мастерская для выздоравливающихъ раненныхъ, устроенная супругой председателя Совета Министровъ А. И. Горемыкиной. Съ фот. Я. Штейнберга.

Редакторъ М. А. Суворинъ.

Пзданіе Товарищества А. С. Суворина—

«Новое Время».

„БОГА ИЩУТЬ“
 Расск. А. Н. Волковичъ-Вель и др. судебн. хр.
 Почетн. отв. Ак. Наукъ. Ц. 75 к.
 ТОГО-ЖЕ АВТ. ПОВѢСТЬ
„АНЧАРЪ“
 Повесть вс. родит.
 Изъ переп. гимназиста* ц. 60 к. (бѣл. обложка).
 Прод. во вс. кн. маг. и ж.-д. бюск.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ, НЕВРАЛГИИ, ИШИАСА,
 простудныхъ и ревматическихъ болей, даетъ Кефалдоль Д-ра Стора.
 Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдоль абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

Въ книжн. магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—
 «Новое Время»
 Петроградъ, Невскій, 40. Москва, Харковъ,
 Одесса, Ростовъ (на Дону) и Саратовъ.
 продаются книги:
РУСЬ ВЪ ЕЯ СТОЛИЦАХЪ
 Историческіе очерки Е. НЕЛИДОВОЙ.
 Выпускъ I:
СТАРАЯ ЛАДОГА
 Съ 16 рис. 1912 г. Цѣна 30 к.
 Выпускъ II:
НОВГОРОДЪ
 Съ 16 рис. и карточ. 1913 г. Ц. 85 к.
 Выпускъ III:
КИЕВЪ
 Съ 24 рис. Петроградъ, 1915 г. Цѣна 55 к.
 Два первые выпуска Учен. Ком. М. И. Пр. внесены въ списки книгъ, заслуживающихъ вниманія при посылкѣ бесплатныхъ вырѣдъ, читаленъ и библиотекъ.

МАРКИ для коллекцій. Обширный каталогъ бесплатно.
 Адресъ: г. Рига, В. А. Зольману.

И. ВИНКУРОВЪ И СИНЦОВЪ Садовая 29.
 ГОСТИНЫЙ ДВОРЪ (у Главн. вѣж.) Невскій проспектъ №15.
 ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ
 съ иллюстраціями всѣхъ музыкальн. инструментовъ и граммофоновъ.
ОПТОВО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ

НОВАЯ КНИГА
ИЗАБЕЛЛЫ ГРИНЕВСКОЙ:
„ИЗЪ КНИГИ ЖИЗНИ“
 (ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ).
 Продается въ магазинахъ „Новое Время“
 Цѣна 1 рубль.

Новое изданіе Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время»:
Николай Энгельгардтъ.
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
 XIX СТОЛѢТІЯ.
 Томъ первый.
1800—1850 гг.
 Критика.—Романъ.—Повесть.—Драматургія. Съ приложеніемъ синхронистической таблицы, указателя и полной библиографіи.
Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Стр. XII+617.
Цѣна 3 рубля
ПЕЧАТАЕТСЯ ВТОРОЙ ТОМЪ.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14011

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 14-го (27-го) МАРТА 1915 ГОДА.

№ 14011

КЪ ПОХОДУ СОЮЗНАГО ФЛОТА НА ЦАРЬГРАДЪ.

Общій видъ на Дарданеллы и укрѣпленія на обоихъ берегахъ пролива.

О Дарданеллахъ, Пруссии и Парижскомъ конгрессѣ.

1—13 июля 1841 г. шестеро дипломатовъ подписали и скрепили своими именными печатями четыре параграфа соображеннаго документа, первая и существеннѣйшая статья котораго тиничнымъ языкомъ дипломатической эпитафии гласила:

«Во имя Бога Всемилостиваго, ихъ величества императоръ всероссійскій (Николай I), императоръ австрійскій, король венгерскій и богемскій (Фердинандъ IV), король Французскій (Людовикъ-Филиппъ), королева Соединеннаго Королевства (Викторія) и король прусскій (Фридрихъ-Вильгельмъ IV) въ увѣренность, что ихъ союзъ и согласіе представляютъ Европѣ вѣрнѣйшій залогъ сохраненія всеобщаго мира,—предметъ ихъ постоянныхъ попеченій,—и желая засвидѣтельствовать это согласіе, представивъ его величеству султану (Абдуль-Меджиду) явное доказательство уваженія, питаемаго ими къ неприкосновенности его владѣтельныхъ правъ, а равно и ихъ искреннаго желанія укрѣпить покой его имперіи,—ихъ величества положили согласиться на приглашеніе его султанскаго величества, для подтвержденія соображеннаго формальнымъ актомъ ихъ единодушнаго рѣшенія сообразоваться съ древнимъ правиломъ имперіи Османской, въ силу коего проходъ черезъ проливы Дарданеллы и Босфора остается закрытымъ для военныхъ иностранныхъ судовъ, пока Порты находится въ мирѣ».

Императоръ Николай Павловичъ поставилъ лондонской конвенціи вѣтрѣть

КОРОЛЕВА-ГЕРОИНЯ.

Бельгійская королева ЕЛИЗАВЕТА во время занятій съ своимъ старшимъ сыномъ. Фотографія снята незадолго до войны въ одной изъ комнатъ Брюссельскаго дворца.

съ несмыслимою радостью, считая достигнутое соглашеніе своимъ личнымъ успѣхомъ и торжествомъ своей политики. Государь былъ твердо увѣжденъ, что Порты, принявъ на себя должность вратаря обоихъ проливовъ, выполнитъ свои обязанности самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Онъ питалъ твердую увѣренность, что никогда Турція не рискнетъ выступить противъ Россіи, хотя бы въ союзѣ съ другими европейскими державами, стало бы она никогда не пропустила черезъ проливы военныхъ судовъ враждебныхъ Россіи государствъ. Словомъ, по увѣженію императора Николая I, конвенція о проливахъ создала полную безопасность для русскихъ владѣній на Червономъ морѣ.

Но... человекъ предполагаетъ, а исторія располагаетъ! Послѣ венгерской кампаніи, когда военное могущество Россіи стало уже прямо страшнымъ для европейскихъ кабинетовъ, выплылъ на сцену «восточный вопросъ», дотогѣ никого не интересовавшій. Западъ сразу принялся толковать, что Турція—далеко не «умирающій человекъ», что необходимо поддержать ея силы и подорвать при ея посредствѣ мощь Россіи. Душою анти-русскаго движенія ставилась «героиня 2 декабря», этотъ, по выраженію проф. Тачевского, «герой величайшаго историческаго подвига», словомъ—Наполеонъ III, сумѣвшій, преслѣдуя свои узко эгоистическія цѣли, создать ту европейскую коалицію, которая приве-

за къ такой «тонкой путанице», какъ Крымская война съ ея эпилогомъ—парижскимъ конгрессомъ, постановленія котораго теперь накануне своей политической смерти.

Въ «широкой» публикѣ принято думать, что въ 1854—55 гг. воевали съ вами только де Англичае, Французы, Турки да «присунувшіеся» къ общей «кашѣ» Сардинцы; ихъ, стало быть, совокупными усилиями, и созданъ рядъ стѣснительныхъ въ отношеніи Россіи мирныхъ условій. По историческая наука, путемъ ознакомленія съ закулисными документами, установила, что Россіи сильно повредила и та «добрососѣдекая» страна, на тронѣ которой сидѣлъ человекъ, хваставшійся своимъ истиннымъ «евангелическимъ и старо-прусскимъ сердцемъ». Фактически, конечно, Пруссія не выставила противъ Россіи ни одного изъ напущенныхъ потомъ бисмарковскихъ «номерныхъ гренадеръ» и потому изстрадавшийся духомъ и плотью за честь и достоинство Россіи императоръ Николай I, лежа на своемъ смертномъ одрѣ, въ святомъ невѣдѣніи прусскихъ фокусовъ, имѣлъ полное право просить императрицу, родную сестру прусскаго короля, «сказать Фрицу, чтобы онъ всегда оставался прежнимъ по отношенію къ Россіи и не забывалъ послѣднихъ словъ папа», благодарствованияго Александромъ I. Судьба сжалась надъ Николаемъ Павловичемъ, не давъ ему испытать величайшаго разочарованія въ Пруссіи. Каково было бы ему узнать, что въ то время, какъ англо-французскія войска храбро оспаривали въ честномъ бою каждую пядь доблестно защищавшихся севастопольскихъ укрѣпленій, «частныя» письма прусскаго военнаго агента въ Петербургѣ, графа Мюстера, *personae gratissimae* въ нашихъ придворныхъ сферахъ, къ его берлинскому, тоже придворному другу, съ точными свѣдѣніями относительно состоянія и важной роли Малахова кургана и Корниловской батареи, прямотою доставлялись въ штабъ оперировавшей подъ Севастополемъ непріятельской арміи, который немедленно же и сдѣлалъ корректировку своей наступательной дѣятельности, основываясь на драгоценныхъ указахъ военнаго специалиста, почерпнувшего свою осведомленность изъ «первоисточника».

Фридрихъ-Вильгельмъ «идеино» почиталъ императора Николая, какъ мощнаго носителя охранительныхъ началъ, и «принципально» противодействовалъ втягиванію его въ опредѣленные анти-русскіе поступки. Но его первый министр, тупѣйшій реакціонеръ и ярый руссофобъ, Мантейфель, сумѣлъ приманить своего монарха на религиозную удочку, доказавъ ему всю невыгоду для его евангелическаго величества видѣть нѣмецкихъ протестантовъ на Востокъ охраняемыми православнымъ императоромъ. Фридрихъ-Вильгельмъ заочно плакалъ на груди Николая Павловича слезами умиленія, а самъ писалъ своему послу въ Лондонѣ: «Живу и умру съ убѣжденіемъ, что англійскій кабинетъ вдохновляется истинною, вѣрною, направленною мыслью—именно не давать Россіи черезчуръ властвовать на Востокъ путемъ заправленія Турецкою имперіей и ея проглатыванія». Въ одномъ изъ янтимныхъ писемъ Фридриха Вильгельма русскому Государю говорилось съ воодушевленіемъ, что «никогда Пруссія не позволитъ себя увлечь въ войну съ Россіей». Въ нужный для насъ моментъ это завѣщаніе короля было предъявлено Мантейфелю. Послѣдній весь измѣнился въ лицѣ и запальчиво сказалъ нашему берлинскому послу, барону Бундбергу: «Вы не имѣете права хвататься за сокровенные документы и афишировать ихъ, ибо это можетъ озлобить противъ насъ Францію и Англію; да это и унижаетъ достоинство Пруссіи, связывая ей руки».

Смотрѣть судовъ «Большаго флота» королею ГЕОРГОМЪ V.—Рядомъ съ королею—командующій обороною Севернаго моря, адмиралъ сэръ Дорндизъ ХАЛЛИГАНЪ.

И въ такомъ странномъ духѣ велась ксандръ II предложилъ пачать ихъ въ Парисѣ королевско-прусская политика въ рижѣ. Предварительно рѣшено было собраться представителямъ заинтересованныхъ державъ въ Вѣнѣ и опредѣлить основную почву для переговоровъ. Откуда ни возьмись, подтвердилась Пруссія и поспѣшила сдѣлать «непріятельскую». Прусскій король официально заявилъ въ Петербургѣ, что если не будутъ приняты безъ измѣненія дѣлаемые русскому правительству предложенія, то прусскій посланникъ немедленно потребуетъ обратно своя паспорта. Пройдя вѣтское «чистилище», русскіе уполномоченные на предстоящемъ конгрессѣ, графъ А. О. Орловъ и баронъ Бруновъ, явились въ Парижъ съ полнымъ сознаниемъ своего національнаго достоинства и непоколебимую вѣрою въ будущее торжество защищаемыхъ Россією политическихъ видовъ. Эта благородная увѣренность въ могучихъ жизненныхъ силахъ Россіи создала для ея представителей на парижскомъ конгрессѣ почетное положеніе. Императоръ Наполеонъ, въ рукахъ котораго былъ камертонъ конгресса, имѣлъ, въ сущности, полное право называть себя «служливымъ союзникомъ» Россіи, и графъ Орловъ и Бруновъ всегда находили должное вниманіе и готовность со стороны главныхъ французскихъ руководителей конгресса—предсѣдателя гр. Валуевскаго, «натуральнаго» сына Наполеона I и графини Маріи Валуевской, бывшаго русскаго подданнаго, и министра иностранныхъ дѣлъ герцога Морни, женатаго на княжнѣ Труа-бенкой. Въ конгрессѣ почти нахрапомъ на ея роль здѣсь была, въ сущности, весьма жалкою, особенно, когда лордъ Паль-

съ паденіемъ Севастополя, обѣ стороны пришли къ полному убѣжденію въ необходимости покончить борьбу, равно тягостную для каждой изъ нихъ. Несомнѣнно, глава коалиціи, Наполеонъ III, крайне довольный возможностью выхода изъ весьма затруднительнаго положенія, искренно желалъ мира, тѣмъ болѣе, что послѣдній сулилъ Франціи только блескъ и видимое величіе. Сравнительно мало вложившая въ осанную операцію Англія, всецѣло надѣявшаяся на французское оружіе, не могла, конечно, рассчитывать на собственные силы, и потому съ ея стороны болѣе или менѣе энергичнаго протеста не послѣдовало. И вотъ, когда втерлась и Пруссія, назначивъ своимъ делегатомъ яраго «руссофда»—Мантейфеля, въ началѣ 1856 года снова былъ поднятъ вопросъ объ открытіи мирныхъ переговоровъ, то императоръ Але-

мерстонъ, несколько не стѣсняясь, совершенно хладнокровно заявилъ въ своемъ органѣ «Morning Post», что прусская политика въ восточномъ вопросѣ съ начала до конца была лукавою и безчестною, заслуживающею хорошаго урока.

Довольно-таки сдержанная и осторожная линия поведенія другой нѣмецкой державы—Австріи, получила краткую, но глубоко правдивую оцѣнку и объясненія въ одномъ изъ писемъ князя Горчакова: «Наша исторія на многихъ страницахъ приводитъ доказательства того, что Австрія всегда насъ предавала, когда ей это было выгодно. И если въ настоящее время исключеніе изъ этого стараго австрійскаго правила какъ будто дѣлаетъ честь императору Францу-Иосифу, то я не отношу этого ни къ воспоминанію или благодарности, а просто къ тому, что, следуя избранному путемъ, Австрія находитъ его для себя менѣе опаснымъ и болѣе выгоднымъ».

Наиболѣе живучій, съ точки зрѣнія 1915 года, вопросъ парижскаго конгресса—о нейтрализаціи Чернаго моря и закрытіи турецкихъ проливовъ—разбирался въ запискахъ 4 марта 1856 года. Оразу же гр. Орлову удалось отстоять существованіе Николаевскаго порта, противъ очень ехидной редакціи Австрійцевъ, добивавшихся полнаго отсутствія на Черномъ морѣ казакъ бы то ни было военно-морскихъ сооруженій.

Точно также графъ Орловъ одержалъ побѣду относительно, такъ сказать, невключенія Азовскаго моря въ понятіе Чернаго. Что же касается Дарданелъ и Босфора, то «ихъ величества съ одной стороны, а его величество султанъ съ другой, положили возобновить конвенцію, заключенную въ Лондонѣ 13 іюля 1841 г., съ нѣкоторыми лишь въ подробностяхъ измѣненіями, ни мало не нарушающими основныхъ положеній ея». Какова была эта конвенція для русскихъ интересовъ,—Россія достаточно испытала это за мнѣшіе полувѣка, пока теперь не динулись къ заповѣднымъ проливамъ корабли союзниковъ, поднявшихъ свой мечъ во имя мира и справедливости на враговъ человечества.

В. Анд.—ъ.

За храбрость.

Почти въ каждой странѣ существуютъ особые знаки отличія, которыми награждаютъ «за храбрость» на полѣ битвы. У насъ, какъ извѣстно, такою наградой является скромный бѣльенкій крестикъ на желтой съ чернымъ ленточкѣ,—мечта всякаго военнаго и предметъ уваженія остальныхъ.

Одинъ изъ самыхъ редоступныхъ орденовъ не только въ Россіи, но и во всемъ свѣтѣ, орденъ Св. Георгія, былъ утвержденъ Екатериной Великой въ 1769 году. За все время его болѣе, чѣмъ ста пятидесятилѣтняго существованія, только четверо Русскихъ получили первую степень этого ордена, и прежде всего сама Императрица, надѣвшая его *ex officio*, какъ его основательница.

Пожойный великій князь Михаилъ Николаевичъ, получившій епископскія степени Георгіевскаго креста во время крымской и кавказской кампаній, былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ первой степени за свои заслуги въ качествѣ главнокомандующаго русской арміей въ Малой Азии во время войны съ Турціей 1877 года. Его братъ, великій князь Николай Николаевичъ, одновременно съ нимъ былъ сдѣланъ кавалеромъ того же ордена первой степени за побѣдосное шествіе во главѣ русскихъ силъ къ Санъ-Стефану, подъ самымъ стѣпнымъ Константинополемъ, а Императоръ Александръ II Георгіевская дума убѣдила возложить на себя крестъ первой степени по случаю празднованія столѣтія со дня учрежденія ордена.

нъ войнѣ съ турціей—

—БИДЫ СМІРНЫ.

Набережная въ СМІРНѢ.—Городъ подвергся бомбардировкѣ союзнаго флота. Походъ на Дарданеллы и дѣйствія подъ Смирной внесли полную панику въ правительственныя сферы и населеніе Турціи.

Развалины древняго храма въ Смирнѣ.—Здѣсь производится раскопки.

Подполи Н. И. Яковенко-Мариничъ, награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

Верховный Главнокомандующій, а въ сентябрѣ прошлаго года король Альбертъ бельгійскій. Король-герой имѣетъ также и башш Георгіевскій крестъ 4-й степени. На груди рядового или офицера медаль служитъ доказательствомъ, что носитель ея совершилъ какой-нибудь подвигъ выдающейся храбрости подъ огнемъ непріятеля. Въ Бельгіи, удивившей міръ своей военной доблестью, существуетъ почетный орденъ, который болѣе всего подходитъ къ этой странѣ. Это—орденъ Леопольда, учрежденный въ 1808 году. Онъ дается, какъ

грудю на голубой лентѣ для моряковъ и красной—для сухопутной арміи, а также для штатскихъ, бывшихъ на войнѣ. Заслужившій этотъ орденъ имѣетъ право (за исключеніемъ офицеровъ) получать ежегодную пенсію въ десять фунтовъ * съ надбавкой 5 фунтовъ за каждую нашивку, полученную за новый геройскій подвигъ. До начала настоящей войны число выданныхъ за храбрость крестовъ было пять сотъ двадцать два, изъ нихъ сто было заслужено за Крымскую войну, сто восемьдесятъ два во время мятежа въ Индіи, семьдесятъ восемь въ войну съ Бурами, а остальные во время тридцати семи второстепенныхъ войнъ.

Доброволецъ баронъ фонъ-дери Г. А. Остенъ-Сакенъ, тяжело раненъ. За боевыя отличія награжденъ двумя Георгіевскими крестами и представленъ къ производству въ прапорщикъ. Опять возвращается въ дѣйствующую армію.

Въ эту войну получалъ Крестъ Викторіи лейтенантъ королевскаго флота Норвичъ Дугласъ Гольбрукъ за то, что, командуя подводной лодкой В II, онъ вошелъ въ Дарданеллы и, несмотря на трудныя теченія, вырнулъ подъ пятью рядами минъ и взорвалъ турецкій броненосецъ «Мессудіе», охранявшій минныя загражденія.

Лейтенанту удалось благополучно привести обратно свое судно, хотя его преслѣдовали миноносцы и пушечные выстрѣлы;

при этомъ ему пришлось оставаться подъ водой девять часовъ сряду!

Существуютъ еще два британскія военныхъ ордена: «За военныя отличія» и новый «Военный Крестъ». Они отличаются отъ Креста Викторіи тѣмъ, что даются

* 100 рублей.

Пор. В. С. ШТОКМЕРЪ, получилъ золотое оружіе.

Императоръ Александръ III былъ награжденъ только второй степенію этого ордена, получивъ крестъ еще Цесаревичемъ за командованіе Русскими отрядами русской арміи во время той же турецкой войны 1877 года. Императоры Николай I и Александръ I имѣли Георгіевскій крестъ только 4-й степени. Такимъ же Георгіевскимъ крестомъ былъ награжденъ и теперь главкомандующій русской арміи великій князь Николай Николаевичъ, заслужившій его еще совсѣмъ молодымъ кавалерійскимъ офицеромъ во время турецкой кампаніи 1877 г. Теперь онъ кавалеръ ордена св. Георгія 2-й степени.

Существуетъ, можно сказать, 5 степеней нашего ордена «за храбрость». Пятою является крестикъ на эфесѣ Георгіевскаго оружія...

отличіе за какую-либо заслугу передъ родиной, и можетъ быть заслуженъ также на полѣ брани. Особаго военнаго ордена «за храбрость» нѣтъ.

Въ Англіи въ 1856 г. указомъ королевы Викторіи по окончаніи Крымской войны для награжденія за личные подвиги былъ учрежденъ Крестъ Викторіи (Victoria Cross). Стоящій лишь въскольکو пенсовъ, этотъ желѣзный крестъ для Англичанина представляется самымъ почетнымъ орденомъ, которымъ можетъ быть украшена грудь человека. Въ статутѣ ордена сказано, что имъ могутъ быть награждаемы военныя всѣхъ родовъ оружія, «независимо отъ чина и званія», за какой-нибудь единичный подвигъ мужества или самопожертвованія на пользу родины, совершенный на полѣ брани». Крестъ этотъ носятъ на лѣвой сторонѣ

Во Франціи есть два очень извѣстныхъ ордена: орденъ Почетнаго Легіона, учрежденный Наполеономъ I, и еще болѣе цѣнная «Военная Медаль», послѣдняя почти полустолѣтіемъ позже, при его племянникѣ, Наполеонѣ III. Крестъ Почетнаго Легіона получаютъ не только военныя, но также штатскіе, Французы и иностранцы, за разныя заслуги—и не военныя.

Военной медалью награждаются исключительно за военныя заслуги на морѣ и сушѣ. Право на получение медали имѣютъ офицеры и генералы. Когда медалью украшена грудь генерала, то это значитъ, что онъ командовалъ арміей на полѣ битвы и оказалъ родинѣ такія услуги, что даже высшая степень ордена Почетнаго Легіона не можетъ служить соответствующей наградою. Такую медаль получилъ недавно нашъ

НА ВОЙНѢ.

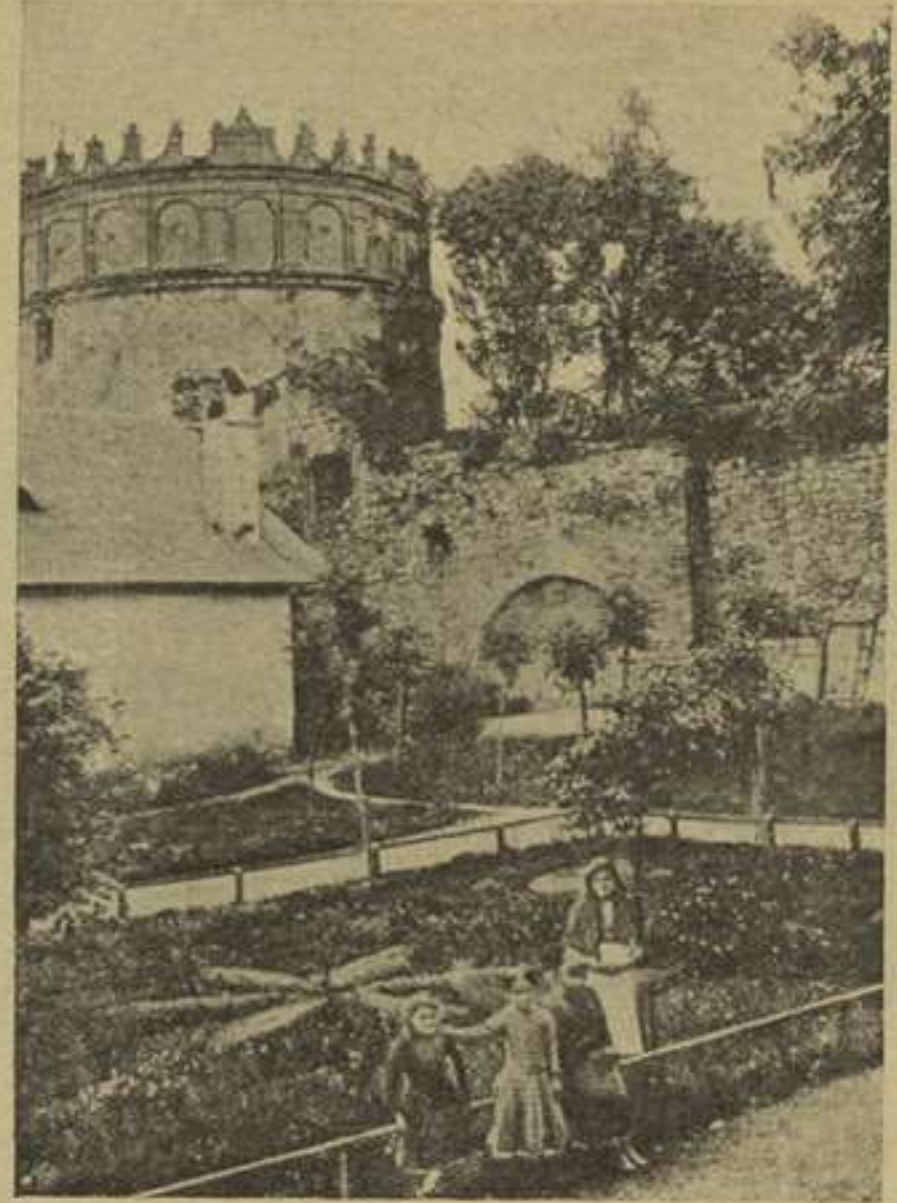

«ЛЕТУЧКА»,—казакъ, рассылаемый со срѣчными порученіями.

СИДЫ ВЗЯТАГО РУССКИМИ ВОЙСКАМИ ПЕРЕМЫШЛЯ.

Набережная р. Санъ — «Новая дорога».

Замковая башня.

Башня съ часами.

Католический соборъ въ Перемышлѣ.

Францисканская церковь.

Перемышльскій вокзалъ.

Дѣйствіе русской артилеріи.

Рисун. А. Пржевальскаго (участника войны).

Подполк. ген.-шт. П. Н. ШАТИЛОВЪ, дванды раненъ и контузенъ, награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

Ротм. В. М. ЛЕФМОНТОВЪ, награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ.

не вѣсьмъ военнымъ, а только пѣкоторымъ чинамъ.

Отважная Сербія, сыгравшая такую выдающуюся роль въ настоящей войнѣ, награждаетъ своихъ героевъ орденомъ, известнымъ подъ названіемъ «Медали за храбрость». Медаль эта доступна военнымъ безъ различія чина.

Японскій военный орденъ, известный подъ названіемъ «Ордена Золотого Коршуна», былъ учрежденъ мнѣею около 25 лѣтъ тому назадъ, чтобы увековѣчить 2.555-ю годовщину коронаціи Дзимму Тенно, — полумифическаго перваго властелина Японіи. Птица помѣщена на лицевой сторонѣ медали въ память японской легенды, гласящей, что одинъ изъ первыхъ императоровъ одержалъ крупную побѣду благодаря тому, что коршунъ легъ въпереди войскъ и указалъ имъ расположеніе противника. Согласно другой версіи, одинъ изъ императоровъ велъ свои войска противъ враговъ, какъ вдругъ птица съ ярко сверкающими опереніемъ села на край его лука и, ослѣпивъ глаза враговъ, доставила побѣду императорскимъ войскамъ.

Существуетъ семь степеней этого ордена, который виситъ на зеленой съ белыми лентами и даетъ право на пенсію, размѣръ которой зависитъ отъ степени ордена.

Къ числу высоко цѣнимыхъ орденовъ принадлежалъ прежде прусскій Желѣзный Крестъ, раздаваемый теперь кайзеромъ въ такомъ обиліи, что орденъ этотъ потерялъ свою прежнюю репутацію.

Въ Германіи есть еще одинъ орденъ для награжденія исключительно офицеровъ. Это крестъ «Pour le Mérite» («Въ награду за заслуги»), учрежденный Фридрихомъ Великимъ.

Францъ-Иосифъ, императоръ австрійскій,

въ концѣ августа съелъ возможнымъ отградъ, которую я могу дать, и прошу васъ принять отъ меня крестъ Маріи-Терезіи первой степени.

«Великія побѣды, одержанныя германскими арміями надъ вашими сильными врагами, всецѣло приписываю вашей желѣзной волѣ. Вы удачно обнажили вашу могучую мечъ. Къ лаврамъ, украшающимъ васъ, какъ побѣдителя, я хотѣлъ бы прибавить высшую военную на-

градъ, которую я могу дать, и прошу васъ принять отъ меня крестъ Маріи-Терезіи первой степени. Этотъ орденъ даетъ право на крупный годовой доходъ, такъ что пенсія Вильгельму II обезпечена, если только австрійское казначейство въ состояніи будетъ ее выплачивать. Орденъ Маріи-Терезіи основанъ этой императрицей въ 1757 году въ

РУССКАЯ СЕМЬЯ — МАТЬ СЪ СЫНОВЬЯМИ-ВОИНАМИ.

Мат. Влад. ЛИМАНТЬ-ИВАНОВА и ея сыновья: Ю. А. — раненъ и въ плѣну, В. А. находится въ бѣзѣ, Н. А. пропалъ безъ вѣсти, А. А. былъ раненъ, поправился и вернулся въ полкъ.

ПАВШИЕ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХЪ.

Флаг.-ад. шт.-ротм. С. Г. фон-СТРУЕЕ,

Шт.-нап. Ю. Н. АРГАМАНОВЪ.

память ея победы надъ Фридрихомъ Великимъ у Колина. Чтобы получить этотъ орденъ, надо быть избраннымъ большинствомъ голосовъ кавалеровъ, имѣющихъ уже это отличие, причемъ императоръ пользуется голосомъ только въ томъ случаѣ, если самъ награждаетъ этимъ крестомъ. Однако онъ подписываетъ патентъ и выдаетъ орденъ.

За послѣднее столѣтіе, до августа прошлаго года, было избрано только пятьдесятъ кавалеровъ этого ордена, причемъ къ началу нынѣшней войны оставалось въ живыхъ только трое, и притомъ награжденных третью и низшими степенями.

Однимъ изъ нихъ былъ императоръ Францъ-Иосифъ, получившій крестъ въ 1848 году въ битвѣ при Санта-Лучія противъ Итальянцевъ.

Первымъ, вновь получившимъ орденъ Маріи-Терезіи—оказался кайзеръ. Для получения высшей степени ордена необходимо командовать побѣдоносной арміей противъ превосходныхъ силъ непріятеля. Слѣдовало бы, чтобы Вильгельмъ II со своей стороны почтилъ императора Франца-Иосифа, столь же побѣдоноснаго верховнаго вождя австрійскихъ войскъ.

Взаимныя утѣшенія поддерживаютъ!

Пѣсня безсмертныхъ гусаръ.

Наливай полнѣ чары,
Веселье, братья, пой,—
Ниче черные гусары
Выступаютъ снова въ бой.

Рождены мы по тревогѣ,
Крещены въ бою огнемъ;
Съ вѣрой пламенною въ Бога
Въ эту битву мы идемъ.

Въ наши свѣтлыя скрижали
Наши дѣды ужъ давно
Враждей кровью записали,
Братья, имя не одно.

Какъ вспоминается порою
Про дѣла лихихъ отцовъ,—
Вспыхнешь буйною душою,
Загорится въ сердцѣ кровь.

Гей, Царицыны гусары!
Снова веселье вашъ Балнъ,
Снова въ заревѣ пожара
Блещетъ черный доломанъ!

Завтра съ первыми лучами
Грозою двинемся впередъ;
Вижу лавры передъ нами,
Слышу, слава насъ зоветъ.

Вѣрь, воздастся намъ сторицей:
Старца-Нестора рука
Снова свѣтлую страницу
Виннетъ въ лѣтписи полка.

Поманемъ же братской тризной
Наши честные бои,
И поласкимъ за отчизну,
Братья, головы свои!..

М. В. Жадкевичъ.

Литературныя замѣтки.

Мелко плавающие.

Нѣсколько странно звучащее названіе новаго романа г. М. Кузмина—«Плавающие-путешествующіе»—имѣетъ, какъ не трудно догадаться, символическое значеніе.—«Мы ничего не строимъ навсегда... Мы всегда страствуемъ... Мы всегда плавающие»,—говоритъ одно изъ дѣствующихъ лицъ. Другое поясняетъ, что «мы всегда въ пути» и что «кто останавливается, тотъ гибнетъ». Третье добавляетъ къ этому, что «въ пути нужно имѣть какъ можно меньше багажа». Но такъ какъ большая часть дѣствующихъ лицъ романа вращается въ томъ заколдованномъ кругу, въ которомъ центромъ является ютающийся въ подвалѣ литературно-артистической кабачокъ, названный авторомъ «Совой», то всѣ ихъ «плаванія» и «путешествія» являются, такъ сказать, отвлеченными, т. е. ничѣмъ инымъ, какъ экскурсіями изъ области мѣщанскаго быта или буржуазной морали въ сферу утонченныхъ и изысканныхъ переживаній, порожденныхъ атмосферою кабачка. Авторъ такъ характеризуетъ то «самое настоящее», что имѣло главную притягательную силу для постоянныхъ посѣтителей этого кабачка: «артистическіе счеты, внезапно вспыхивающіе флирты, семейныя исторіи, измѣны, ревности, восторги, слезы, подѣлуи,—все выходило наружу, распространялось и заражало. Это была повальная лирика, то печальная, то радостная, то злобная, но всегда волнующая, если не отъ вина, то отъ самое себя». Изъ числа отрав-

• М. Кузминъ. Плавающие-путешествующіе. Романъ. Изданіе М. Семенова. Петроградъ. 1914 г. Стр. 277. Ц. 1 р. 50 к.

Подпор. Г. Д. БАЛАНИНЪ,
убитъ въ бою.

СЪ НАЕНАЗНИМИ БОЙСКАМИ.

НА ВОЙНѢ.—Отправка хлѣба съ тыла на передовыя позиціи.

вленныхъ этой нездоровой атмосферой и по очень просвѣтленнаго и чѣмъ-то совершенно утратившихъ вкусъ къ пор-ображеннаго». Одинъ изъ нихъ, «поднявъ мальному, простому и здоровому, въ ро-въ какомъ-то радостномъ изступленіи рукавъ удачливѣ всего очерчены женскія фи-ки къ небу», возглашаетъ: «Какъ могутъ жить люди, не знавшіе такихъ минутъ?!» Но въ чемъ причина ихъ изступленія и восторженности, и чѣмъ было вызвано ихъ просвѣтленіе, на этотъ счетъ читатели могутъ строить лишь болѣе или менѣе правдоподобныя догадки, руководствуясь не столько настоящимъ романомъ, сколько аналогіей съ другими произведеніями того же автора. Если откинуть этихъ возвышенно настроенныхъ, но не совсѣмъ понятныхъ лицъ, то объ остальныхъ, изображенныхъ г. Кузминымъ, «плавающихъ», бросающихъ якорь главнымъ образомъ въ подвалѣ «Совы», можно сказать, что они плаваютъ довольно мелко.

Ю.—П.

Полк. Э. Н. фон-ВИРЕНЪ
убитъ въ бою.

ночь адюльтеръ. Она «ни на минуту не переставала любить мужа»; любовникомъ у нея былъ офицеръ Лаврентьевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣряя совсѣмъ еще юнаго Лаврика, что она его любитъ, она, по словамъ автора, «ке лгала». Болѣе простыми и нормальными кажутся въ романѣ г. М. Кузмина мужчины. Нѣкоторые изъ нихъ окружены авторомъ ореоломъ какого-то неотразимаго обаянія, дѣствующаго, впрочемъ, не столько на женщинъ, сколько на другихъ мужчинъ, но въ чемъ секретъ этого обаянія, для читателя остается загадкой, такъ какъ, касаясь этой области, авторъ начинаетъ говорить таинственно, ограничиваясь туманными намеками. Описывая, напр., свиданіе двухъ связанныхъ вѣжкою дружбою людей, Англичанина мистера Стока и молодого офицера Фортова, авторъ говоритъ о выраженіи ихъ лицъ: «Это не была липа людей, отрѣшенныхъ отъ всѣхъ волненій и человѣческихъ чувствъ... Наоборотъ, казалось, что они выражали предѣлъ стремленія и желанія,

Подполк. М. П. БОЙНО-ГОДЗЕВИЧЪ,
убитъ въ бою.

слу таких памятников будет отнесено человечеством предущих войн и разсудование, которое было произведено во Франции специальной комиссией, «учрежденной для удостоверения учиненных Германцами на французской территории актов, противоречащих обычному праву». То, что скрывается под этой мягкой формулой, является до такой степени противоречащим всем нашим представлениям о чести, благородстве, рыцарстве по отношению к противнику, что едва ли кто-нибудь решится оспаривать точность заглавия, данного сборнику опубликованных комиссией данных: «Организованные преступления германской армии». Эта организованность и систематичность во всем, начиная с воровства и грабежа и кончая неизлечимыми поджогами жилищ мирных обитателей и убийством беззащитных стариков, женщин и детей, является особенно характерной для Нёмцев, и клалет на их войска несмываемое клеймо. Оспаривать действительность таких событий, которые занесены в рапорт комиссией, не представляется возможным: ее состав — из лиц, общественное положение которых не может не возбуждать доверия к ним, — и самые приемы, применявшиеся при расследовании, выражены в самой строгой критике всех материалов, бывших в распоряжении комиссии и в принятии только того, что неопровержимо доказано, гарантируют полную достоверность всего, что занесено в акты комиссий. При чтении описания жестокостей, совершенных Германцами, — и даже беззачинно, — над беззащитными жителями, иногда представляется, что дальше идти уже некуда, и что чего-нибудь более возмущающего душу совершить невозможно. Но при дальнейшем чтении приходится убеждаться, что изобретательность Германцев в этом направлении не знает границ. Ужасы средневековья, с его пытками, кастрами и мрачными тюрьмами, объясняются общим уровнем культурным уровнем того времени. Но когда они повторяются в эпоху, гордую своей достигнутой небывалого развития цивилизацией, то единственным объяснением, делающим мало-мальски понятным это явление, может быть лишь одно, — что среди народа, способного на такой образ

НА ВОЙНѢ.—Въ окопахъ у телефона.

действий, распространено повальное заблуждение тою болванью, которая психиатрами именуется «нравственным идиотизмом».

Н. Н. В.

Лирическая бабочка

Кажется, самая красивая бабочка на свете водится в Японии. Когда разсматриваешь в мертвых ящиках коллекции эти удивительные создания, не можешь надивиться их легкости и прозрачности, соединенной с чудесной красочностью. Как же должны они радовать глаз зрителя, порхая над зелеными горами и рощами далеких островов!

Что-то подобное японским бабочкам есть и в японской поэзии... Она также прежде всего привлекает своей легкостью. Ведь у японцев нет наших сложных, нередко тяжелых форм «язычной словесности». Драма и роман в втором плане в их литературе — возникли сравнительно поздно и, повидному, не так удаются. А что до публицистики и критики — этих рационалистически-модернистских форм, европейской литера

туры, то до них литература Японии, как турья, еще и до сих пор не дошла — по крайней мере, в степени популярного явления.

Зато сердце литературы — краткое выражение «лирического волнения» — ни у одного народа не завоевало такой почетной популярности, как именно в Японии. Японцы, до известной степени, все — поэты. Там, сообщает наш автор: «все поют, все шипут стихи, начиная от императоров и придворных дам, и кончая крестьянами и рабочими». До какой степени проникновения в жизнь достигла эта поэтическая волна, лучше всего показывает тот своеобразный факт, что даже на телах убитых в минувшую войну солдаты находили написанные перед боем стихи — их предсмертные песни.

Прибавьте к этому, что характер японской поэзии дышит общением с природой. Это, действительно, как-то птицы, таящиеся в ветках. Многоговековая переплетенность с природой простой и несложной японской жизни, вплоть до недавнего перелома не выходящей из «натуральной» стадии, наложила свой характерный отпечаток на литературное вдохновение. Японец не может написать своей краткой «танки» (обычная форма японской поэзии — стихотворение всего в пять строк), чтобы не упомянуть в ней броское цветение вишни, розовый цвет абрикосов, или яркая звездочка полевых цветов, или, наконец, свою любимую, покрытую вѣчными снегами, классическую гору Японии — Фудзи-Ягу.

Книжка г. Рачинского знакомит с историческим развитием японской лирики и других форм японской литературы. Ее недостаток — чрезвычайная краткость: хотелось бы больше сведений и больше примеров. Японская поэзия несомненно привлечет к себе современное такое же литературное внимание, какое привлекла в конце XIX-го века японская живопись. Между ними много сходства: они обе также одновременно просты и тонки, также глубоко-народны и также проникнуты родной природой. Это сестры-близнецы — дети одной национальной души.

Издана книжка с большим вкусом и заботливостью.

П. Перпонт.

Мелочи.

Воздушные волломы. Сильный морской прибой во время вѣтра, дуящего с моря, нередко разрушает цѣнные соору-

жения, устроенныя для защиты берега, и подмывает самый берег. Поэтому возможность прекратить хотя на время действие прибой может оказать неоценимыя услуги, например, при постройке постоянных волломолов, маяков и пр., для облегчения положения плавучих маяков во время бурь, при спасении судов, выброшенных бурей на берег и т. п. Одному американскому инженеру пришла счастливая мысль воспользоваться для этой цѣли сжатым воздухом. Онъ совершенно вѣрно рѣшилъ, что достаточно нарушить ритмическое движение волнъ, передающееся въ направлении къ берегу, чтобы волны затихли, и воспользовался для этого слѣдующимъ приспособлениемъ: на некоторомъ разстоянии отъ берега была проложена по дну четырехдюймовая труба съ массой отверстій, соединенная съ находящейся на берегу станцией, подающей сжатый воздухъ. Во время одного изъ опытовъ, когда волны такъ сильно били въ берегъ, что брызги перелетали черезъ верхушки деревьевъ и никакое сообщеніе по водѣ не было возможно, черезъ 15 минутъ послѣ того, какъ былъ пущенъ воздухъ и образовался «воздушный воллоломъ», у берега образовалась такая полоса затишья, что можно было свободно пройтись вдоль берега на небольшой лодкѣ. Этому изобрѣтенію специалисты судятъ большую будущность.

Устраненіе вреднаго вліянія табака. Неоднократно дѣлались попытки, чтобы устранить вредное вліяніе никотина на курящихъ, но всегда результаты опытовъ кончались неудачей, такъ какъ одновременно съ уничтоженіемъ вреднаго вліянія никотина утрачивался и вкусъ, и ароматъ табака. Только недавно французскому врачу Амбале удалось успѣшно разрѣшить эту задачу, и притомъ необычайно простымъ способомъ. Въ своемъ докладѣ, прочитанномъ въ медицинскомъ обществѣ департамента Роны, онъ сообщилъ, что примѣсь къ табаку листовъ всѣмъ извѣстнаго растенія «мать и мачеха» совершенно уничтожаетъ вредное вліяніе никотина, сохраняя весь ароматъ и вкусъ табака. Мало того, примѣсь листовъ «мать и мачеха» придаетъ табаку особый легкій букетъ, схожій съ букетомъ хорошихъ турецкихъ табачковъ, и потому большая часть курящихъ находитъ эту смѣсь весьма вкусною.

Новая искусственная резина. Недавно была изобрѣтена новая синтетическая резина, обладающая такими превосходными качествами, что примѣненіе ея безконечно разнообразно. Новый способъ добычи состоитъ въ нагреваніи карболовой кислоты въ сухомъ видѣ съ форминомъ, твердымъ веществомъ, по виду похожимъ на поваренную соль. Получается жидкость золотистаго цвѣта, которую разливаютъ въ формы для отливки, гдѣ жидкость густѣетъ и затвердѣваетъ, принимая желаемую форму, но твердая масса еще сохраняетъ гибкость, ей можно придать желаемый изгибъ и т. п. Черезъ 24 часа предметъ вынимается изъ формы и затѣмъ нагревается нѣсколько дней при невысокой температурѣ. Въ результатѣ получается предметъ изъ краснаго желтаго прозрачнаго матеріала, болѣе твердаго, чѣмъ серебро, золото, никкель, мраморъ или слоновая кость. Этотъ матеріалъ не измѣняется отъ дѣйствія высокой температуры, блескомъ превосходитъ натуральный янтаръ, обладаетъ большимъ показателемъ преломленія, чѣмъ кристаллъ, не теряетъ красиваго цвѣта на солнечномъ свѣтѣ и можетъ быть окрашенъ до чернаго прозрачнаго, весьма краснаго тона; сопротивленіе разрыву новаго матеріала поразительно велико, до 6.200 фунтовъ на квадратный дюймъ сѣченія. Благодаря такимъ свойствамъ примѣненіе новаго вещества безконечно разнообразно: изъ него дѣлаютъ части для насосовъ, перекачивающихъ

Вас. Вас. ПОЗНАНСКІЙ, старшій инженеръ типографіи въ Петроградѣ.

Группа артистовъ собравшихся на Николаевскомъ вокзалѣ проводить товарищей на передовыя позиціи, для раздачи подарковъ нашимъ воинамъ отъ Петроградскаго Союза «Артистъ—Солдату». Участвующіе съ перевязью Краснаго Креста: П. В. Самойловъ (предсѣдатель Общества), В. С. Севастьяновъ (Музыкальная Драма), А. Н. Рязанцевъ (Народный Домъ), И. Ю. Выховскій (докторъ). Среди провожающихъ: артисты: В. А. Миронова, С. В. Валуа, А. Д. Кошевскій, Е. А. Боронихинъ, М. П. Мурашевъ, М. А. Федорова, художникъ Н. Г. Цироготи, драматургъ Л. Н. Урванцовъ, г-жа В. А. Самойлова, Н. М. Досужковъ и др.

НА ВЕРБАХЪ.—Набросокъ съ натуры.

Рис. Дно-Дпс.

горячая жидкости, кислоты и пр. ручки для нагреваемых предметов: кофейниковъ, самоваровъ и пр., красивые ювелирные надѣлы, гдѣ оно замѣняетъ янтари, агаты и т. п., антифрикционные подшипники и пр. для хлопчатобумажной и шелковой промышленности, гдѣ нельзя употреблять смазки, всевозмож-

ные предметы для электротехники и туръ, защищающіе металлы отъ окисления, различные мелочи: пуговицы, зубныя щетки, ручки для наполненія чернилами и т. д., и т. д. Наконецъ, это же вещество, и т. д. Словомъ, новое вещество будетъ имѣть повсюду распространеніе, замѣняя целлоидинъ, янтари, каучукъ, слоновую кость и т. д.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

БИБЛІЯ

Полная на рус. яз. съ параллель. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи иллюстрирована **208 худо-картинами**, въ текстѣ жести. форматъ кн. 6 X 4 верш., 2 толщ., вѣс. 9 ф. 1550 стр., въ проч. красн. тисн. золотомъ, полукожан. переп. съ кол. футл. р. 5 р., съ перес. Евр. Рос. 5 р. 65 к., ушак. 20 к. Первая и единствен. въ Россіи иллюстр. Библия. Эту великую книгу книгъ долженъ имѣть каждый.

Адр: Петроградъ, Невскій, 153/1.
Е. П. Масленникову. Тел. 90-86.

Музыкальные инструменты
И. Винокуровъ и И. Смирницкій Садская 29.
Гостинный дворъ (у Главвѣс) Невскій проспектъ №15.
ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ
съ иллюстраціями всѣхъ музыкал. инструментовъ и гармоніковъ.

ПАСХАЛЬНЫЯ ЯИЧКИ

ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
Подарки съ уральскими саморывками.
УРАЛЬСКАЯ ЯИШКА. Пушкинская, 11.

Въ книжныхъ магазинахъ
Т-ва А. С. Суворина «Новое Время».

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

КТО-ЖЕ?

ПЕРВОВЫТНАЯ ФЕМИНИСТИКА.

А. П. АРАПОВА.
Цѣна 2 рубля.

Къ свѣдѣнію технич. отдѣловъ казенныхъ, общественныхъ, частныхъ учреждений, строительныхъ, техническихъ конторъ, строителей, домовладѣльцевъ и лицъ, причастныхъ къ строительному дѣлу.

Поступила въ продажу во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ:
А. И. ТИЛИНСКІЙ.

Практическая строительная памятная книжка.

Изданіе 2-е Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», въ 2 частяхъ, 16 отдѣ-
лахъ, XXXIV+1082 стр., 310 чертежей въ текстѣ.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ. ЧАСТЬ I. ОТДѢЛЪ 1. Таблицы общія и строительныя. **ОТДѢЛЪ 2.** Образцы и формы кувчей, замковыхъ, запорныхъ и прошеній, касающихся строителей и домовладѣльцевъ. **ОТДѢЛЪ 3.** Обязат. постановы по строит. части для Петрограда и Москвы. Разъяснен. Правительств. Сен., касающ. статей устава о наказаніяхъ, вл. миров. судьями, и уложен. о наказан. къ нарушенію устава строительнаго. **ОТДѢЛЪ 4.** Суды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ въ Петроградѣ, Крѣд. О-вѣ. Полная расписка земли въ Петроградѣ. Залогъ въ земельныхъ банкахъ, обществѣхъ взаимнаго кредита. Вексельный кредитъ. **ОТДѢЛЪ 5.** Покупка недвижимыхъ имуществъ, опредѣленіе стоимости и доходности. **ОТДѢЛЪ 6.** Заготовка строительныхъ материаловъ для постройки. Адреса поставщиковъ материаловъ. **ОТДѢЛЪ 7.** Домовладѣніе. Подочетъ стоимости. Опредѣл. выгоды отъ домовладѣнія. Расходъ по содержанию недвиж. имущества. **ЧАСТЬ II. ОТДѢЛЪ 8.** Конспектъ по строительному искусству. Подробн. изложеніе постройки частей зданий съ точными размѣрами и 310 пояснительными чертежами въ текстѣ. **ОТДѢЛЪ 9.** Правила и данныя для проектирования общественныхъ, жилыхъ и нежилыхъ строеній, у адеби. и дачъ. **ОТДѢЛЪ 10.** Особые условія сдачи и дѣйствительныя цѣны на строительныя работы подрядчикомъ. Условія платежа. Адреса подрядчиковъ Петрограда и Москвы. **ОТДѢЛЪ 11.** Р. свѣдѣн. Петроградской и Московской Городскихъ Управъ за 1912—1914 года. **ОТДѢЛЪ 12.** Вѣдомость цѣнъ на строительные материалы и принадлежности, утвержд. Петроградской и Московской Городскими Управами въ Петроградѣ и Москвѣ. **ОТДѢЛЪ 13.** Смѣты. Порядокъ составленія смѣты. Полн. обшая смѣта на постройку каменнаго дома и такая же смѣта на постройку деревяннаго дома. **ОТДѢЛЪ 14.** Новая вознагражденія водичихъ. Техническая подписка. **ОТДѢЛЪ 15.** Новости строительнаго дѣла. **ОТДѢЛЪ 16.** Строительная бухгалтерія и таблицы для расчета строительныхъ рабочихъ.

Цѣна въ издѣліи переплетъ 6 руб. За пересылку взимается по вѣсу и разстоянію.

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ ПРОЕКТИРОВАНІЯ И ПОСТРОЙКИ ЗДАНІЙ“.

Практическія свѣдѣнія по строител. искусству и семь отдѣловъ чертежей и проектовъ зданий.

2-е переработанное и исправленное изданіе.

Краткое содержаніе: **ОБЪЕМЫ** возводимыхъ строеній и мѣры къ ихъ предупреженію. **ПРАВИЛА** для построеки городовъ и зданий въ городахъ. **ОБЯЗАТЕЛЬНЫЯ** постановленія Петроградской и Московской Городскихъ Думъ. Правила и данныя проектированія строеній. **ОБЪ УДОБНОМЪ** расположеніи квартиръ въ домахъ. Практическ. свѣдѣнія по строительн. искусству съ 580 чертежами. Работы по постройкѣ заводскихъ зданий. Альбомъ пояснительныхъ чертежей къ проект. зданий и проекты: 2.200 пояснительныхъ чертежей къ проект. зданий. Чертеж. обществ. зданий. Жилые дома и дачи. Службы къ городск. и загороднымъ домамъ. Детали и внутр. отдѣлки. Заводскія и фабричныя здания. Садовая архитектура. Мотивы для раскрашенія фасадовъ. Пейзажи, мотивы и живые масштабы (418 проектовъ).

БОЛЬШОЙ ТОМЪ (in quarto) въ извѣст. колоритов. переплетѣ 15 руб., за пересылку прилагается за 12 фунтовъ.

СКЛАДЪ въ книжн. магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время»: Петроградъ, Невскій 40, Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (на Дону) и Саратовъ.

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕБЕНКИ.

Электрич. безъ красокъ 10 р.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗобрѢТЕНІЙ
Петроградъ, Морская, 83.

М. КОРЕЛЛИ

ТАЙНА

РОМАНЪ

ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

Цѣна 1 руб.

Страдающимъ ЖЕЛУДКОМЪ ЗАПОРАМИ ГЕМОПРОЕМЪ

рекомендуется
СТОМОКСИГЕНЪ Д-ра Антона Мейеръ.
Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно и дѣйствуетъ всегда одинаково. Это средство надежное совершенно безвредное и отпускается изъ аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь поддѣлокъ. На оригинальной коробкѣ имя Д-ра Антона Мейеръ и адресъ Екатеринбургъ, кан., 29. Выписано полностью. Лабораторія: Лондонъ, Парижъ Нью-Йоркъ.

ХРИСТОСЪ ВЪ ГРОБНИЦѢ.

«И, взявъ Тѣло, Иосифъ обвилъ его чистою плащаницею и положилъ Его въ новомъ своемъ гробѣ, который высѣкъ онъ въ скаль». Матѣ. XXVII, 59—60.

Съ карт. III. Жалабера. (Ch. F. Jalabert).

На родинѣ Спасителя.

Останьтесь... Погостите еще у насъ...
Дождитесь Пасхи. Непременно дождитесь Пасхи!

Такъ говорилъ о. Антонинъ, начальникъ нашей духовной мисси въ Иерусалимѣ, когда я было пришелъ къ нему раскланяться и поблагодарить за гостеприимство.

Дѣло въ томъ, что, хотя была еще четвертая недѣля Великаго поста и у насъ въ это время—Пасха тогда была ранняя—лежали еще снѣга, но меня что-то уже, казалось, интенсивно, таинственно посылало, манило къ Сѣверу, какъ, быть можетъ, манить, посылаетъ съ Юга перелетную птицу.

Есть въ человѣкѣ это чувство,—тонкое, едва замѣтное, которое у него зарождается даже на родинѣ при первыхъ признакахъ весны, томить его, волнуетъ непонятнымъ образомъ, словно подталкиваетъ на переѣзду жизни. Кто знаетъ, быть можетъ, это—отголосокъ первобытной жизни человечества, то эхо его дикой, но свободной души въ далекія времена, оставшееся еще незамѣтно въ его душѣ или тѣлѣ и еще напоминающее ему то, что когда-то было

въ крови его дальнихъ-дальнихъ родичей, при ихъ вѣчно кочевой жизни.

Во всякомъ случаѣ, это чувство страстнаго стремленія къ родинѣ, къ Сѣверу, у меня рождалось каждое утро въ Палестинѣ, когда я, проснувшись, распаивалъ поспѣшно жалюзи окна и въ него вливался въ мою комнату свѣжій воздухъ весны, и тогда вѣтка съ цвѣтами смородины, эта смородина, — какая-то кривая и уродливая на видъ, — словно нарочно росла одна у окна моей комнатки, и каждый разъ, когда я открывалъ окно, она, вѣчно неподвижная, нешеелохивалась, съ своими одинокими цвѣтами на голой еще вѣточкѣ, словно что говорила сердцу, и я уже не могъ равнодушно смотреть ни на высокія бѣлыя иерусалимскія стѣны, ни на темно-голубое, особенно отблескомъ этими зубчатыми бѣлыми стѣнами южное небо, ни, тѣмъ болѣе, вдыхать этотъ воздухъ пробуждающейся земли, какъ будто что-то юное вливалось въ душу. И меня тѣлоило домой, меня не интересовало болѣе ничто въ этой святой Палестинѣ.

— Домой хочется!.. Тамъ у насъ вѣдомое и въ отвѣтъ о. Антонину.

И онъ улыбнулся мнѣ такою доброю улыбкою; онъ, повидимому, тоже началъ понимать мое чувство, будучи моимъ

землякомъ, также любя наши Исетскіе родные края, гдѣ онъ воспитывался, ро- стивъ, лихорадку заполучить при такихъ условияхъ очень незатруднительно, но это

— А здѣсь не будетъ, что ли, Пасхи?— спросилъ онъ.— Но мнѣ казалось, что онъ тоже променялъ бы охотно хотя одну Пасху палестинскую на родную себѣ изъ тѣхъ 26 Пасхъ, которыя онъ уже про- велъ въ этой Палестинѣ, давно уже от- гическимъ раскошамъ и нумизматикѣ, ко- торыми страстно увлекался. Но эти слова его уже скользили только по мнѣ, но не убѣждали, и онъ словно забывалъ неожиданно пробужденное чувство въ себѣ къ далекой родинѣ, и обрушивался на меня всѣми доводами, что мнѣ необходимо видѣть Пасху въ Палестинѣ.

Я сдавался уже ему, когда мнѣ приходило на умъ боязнь моя желтой лихорадки. Дѣло въ томъ, что мой домикъ стоялъ на склонѣ іерусалимской горы и былъ низенькій-пренизенькій и, какъ только началась весна, сырость поволокла уже по его стѣнамъ въ видѣ темныхъ некрасивыхъ пятенъ, и каждый разъ, когда я пробуждался, ночью особенно, мое байковое одѣяло было такъ неприятно на ощупь, какъ словно оно все пропитывалось этой сыростью Юга.

— Вы давно бы сказали мнѣ отпоси- тельно этого! — воскликнулъ о. Анто-

— Это обычное дѣло весны въ Пале- стинѣ, лихорадку заполучить при такихъ условияхъ очень незатруднительно, но это мы сейчасъ же поправимъ. Побѣждайте! ка до Пасхи ко мнѣ на дачу, въ Яффу. Тамъ совершенно пустое помѣщеніе. Мой Арабъ васъ прекрасно будетъ кормить чѣмъ только вы пожелаете, и вы увидите тамъ нашу весну, не такъ, какъ въ Иерусалимѣ. Я увѣренъ, это будетъ вамъ лучшее отдох- новленіе, и васъ не потянетъ уже такъ сильно въ наше Батурино.

Это было для меня полной неожидан- ностью, и я чуть даже не расцѣловалъ своего родственника только при одной мысли очутиться, пережить начало весны въ такомъ уголкѣ настоящаго палестинскаго рая.

II.

На другой день я былъ уже въ примор- ской Яффѣ и, смотря на ея волнующееся, передвигающееся подъ лучами солнца море, на ея бѣлые, словно вѣбжавшіе на при- горокъ, домики съ плоскими крышами, на ея развѣсистыя пальмы, только удивлялся тому, что я долго засидѣлся въ горномъ и холодномъ священномъ городѣ, когда ря- домъ было такое царство роскошной кож- ной природы.

Я словно былъ совсѣмъ въ другомъ угол- кѣ, а не въ Палестинѣ: морской воздухъ

какой-то связистью легко вливался ко мне в грудь, горбатые верблюды, с громадными лицами на спинах, проходили мимо меня словно в какой сказке, и звонг,—тихий мелодичный звонг их многочисленных колокольчиков, развешанных на длинной шеѣ, так отдавался въ высокихъ бѣлыхъ стѣнахъ глухого города, что мнѣ казалось, будто это было на сценѣ театра, среди декораций...

Когда я попалъ на дачу къ о. Антонину, гдѣ онъ проводилъ лѣтніе мѣсяца, я не вѣрилъ глазамъ, что я теперь тутъ временный хозяинъ.

Кругомъ стояла полная, безмятежная, мертвая тишина, и зелень, всюду зелень! Высокія колокія глинобитныя стѣны, казалось, хранили какую-то тайну природы этого уголка, а развѣсистые листья банана, еще молодыхъ пальмъ какъ будто хотѣли что прикрыть собой отъ взоровъ посетителя, пропуская сквозь себя только темно-зеленые лучи яркаго, сіяющаго, веселнаго солнца. Это былъ уголокъ рай, съ неподвижно стоящими, словно декорация, апельсиновыми и лимонными деревьями, полными еще зеленоватыхъ и желтоватыхъ сочныхъ плодовъ, и слова уже расцвѣтающими подъ этимъ солнышкомъ рядомъ съ плодами. А самая дача,—большая, съ терасою, каменная,—какъ будто утопала въ цвѣтущихъ олеандрахъ, ароматъ которыхъ такъ и охватилъ меня, когда я приблизился къ ней съ вѣтрѣвшимъ меня чернымъ Арабомъ-садовникомъ.

Онъ провелъ меня, одинокаго среди этой роскоши, въ верхнія помѣщенія дачи и предоставилъ мнѣ самому выбрать себѣ комнату съ легкой кисейной кроватью. И я снова одинъ среди чистоты и свѣта, среди аромата цвѣтовъ и зелени, смотрящейся въ комнаты, передъ раскрытымъ балкономъ-терасою, въ которую словно уперся цвѣтущій зеленый садъ, оставляя видимымъ только одно темно-голубое небо.

И странное чувство, мысль проскользнула въ моей душѣ: мнѣ показалось, что въ той же обстановкѣ волшебнаго Юга, въ этотъ же мѣсяцъ марта, была когда-то Божія Матерь, наслаждающаяся этой красотой цвѣтущихъ деревъ, вдыхающая этотъ ароматъ цвѣтовъ весны своей родины, любующаяся этимъ темно-синимъ южнымъ небомъ, очарованная подъ этими раскинутыми листьями пальмъ, вся объятая этимъ чувствомъ цвѣтущей, торжествующей, возобновляющейся природы, полная чистыхъ и святыхъ чувствъ къ Создателю!..

И когда я незамѣтно задумался, опершись на терасу, выходящую въ садъ, то даже вздрогнулъ какъ будто отъ галлюцинаціи, быть можетъ, навѣянной на меня этимъ одуряющимъ запахомъ цвѣтовъ, когда вдругъ увидѣлъ въ концѣ сада, около маленькаго сѣраго ослика, поднимающаго воду на колесѣ источника, молодую дѣвушку подъ синимъ покрываломъ Востока. Но это была дочь садовника, которая затѣмъ, не видя еще меня, тихо, съ остановками, прошла по дорожкѣ, посыпанной желтымъ пескомъ, къ дачѣ и остановилась потомъ у широкаго бассейна, въ которомъ расцвѣтали какія-то орхидеи. Какъ она хороша была съ ея легкимъ волнующимся станомъ! Какъ она отразилась въ этомъ полномъ воды бассейнѣ съ ярко-зелеными листьями пріса! Какъ она нагнулась легко и граціозно и протянула свои бѣлыя руки, чтобы сорвать себѣ причудливый цвѣтокъ орхидеи!..

Я не шелохнулся, чтобы не встревожить эту дѣвушку, и она тихо, плавно, прижимая къ груди этотъ пышный цвѣтокъ, скользнула въ низкія помѣщенія и ея скрыли отъ меня темныя тѣни.

— Такъ... такъ...— между тѣмъ говорилъ я съ самимъ собой, рисуя въ этихъ же неприступныхъ, женственныхъ позахъ Богоматери, и съ этой поры мнѣ казалось-то священнымъ стало казаться этотъ садъ, все меня окружающее, какъ будто я подсмотрѣлъ самую жизнь Величайшей изъ женъ.

ЗА ЛЮДЕЙ—ЗА РОДИНУ

Рис. Беермса. (I. S. Weerts).

Какъ мирно я заснулъ въ этотъ благо-словенный вечеръ! Какъ радовался я этой чистотѣ воздуха, аромату цвѣтовъ, раскрывши нарочно для этого окна!

III.

Но ночью со мной случилось нѣчто совсемъ для меня неожиданное: я помню, что мнѣ страшно тяжело было спать, что-то давило мою грудь, что-то кружило мою голову, какъ бы въ угарѣ, и я со стономъ пробудился наконецъ, хотѣлъ приподняться на подушкѣ, но опустился въ изнеможении, и только тогда понялъ, что я нездоровъ.

Я ползкомъ спустился съ моей прикрытой легкой бѣлой кисеею кровати; тихонько по голому полу доползъ до дверей, ведущихъ въ громадный залъ, съ трудомъ отворилъ ихъ, позвалъ садовника и, когда онъ пришелъ, уналъ въ обморокъ, какъ будто у меня истощились все силы.

Какъ мирно я заснулъ въ этотъ благо-словенный вечеръ! Какъ радовался я этой чистотѣ воздуха, аромату цвѣтовъ, раскрывши нарочно для этого окна!

Черезъ два часа я былъ уже въ саду, и яркое утреннее солнышко, трепетаніе его лучей, переливаніе въ гнѣзной зелени, колыбаніе сегодня подъ легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ широколистныхъ пальмъ и покачиваніе листьевъ банановъ, все-все въ этомъ тихомъ, залитомъ утреннимъ свѣтомъ саду, снова говорило мнѣ только о счастіи. И хотѣлось пить, шалить, бѣгать по лужайкамъ его; хотѣлось перекинуть говорливыхъ горлицъ въ садъ, хотѣлось поцѣловать сѣраго, ужъ очень хорошенкаго долгоухаго ослика, который кружился около глубокаго колодца, добывая новыя и новыя ведра, прицѣпленные къ громадному колесу, чтобы разлить по этому саду влагу.

На дорожкѣ я встрѣтилъ нескладанно выползающую откуда-то черепаху, и долго сидѣть около нея на пескѣ, то переворачивая это первобытное животное, то дожидаясь, когда оно высунетъ свою пугливую голову изъ-подъ панциря и снова гогочетъ по тропинкѣ.

люющей почву подъ каждымъ плодывымъ кустикомъ. Онъ больше улыбался теперь мнѣ, тѣмъ говорилъ, видимо, не находя повода къ разговору, занятый тяжелымъ трудомъ. Его жена подъ темнымъ покрываломъ даже не показывалась изъ нижнихъ помѣщеній дачи, занятая приготовленіемъ обѣда и ужина для неожиданнаго гостя, и все были заняты обычнымъ своимъ дневнымъ трудомъ, и было тихо въ саду, и мнѣ казалась вся ихъ жизнь тихою, безумною, уютною среди этой красоты южной природы.

И мнѣ снова и снова приходило на мысль, что, вѣроятно, также жили и родители Богоматери—этой тихой жизнью, одной съ природой.

Только изрѣдка, бывало, мимо дачи, спрятанной въ саду, узкимъ глинобитнымъ переулкомъ пройдетъ какой-то верблюдъ съ проводникомъ и пошею, позванивая своими колокольчиками такимъ тоже мирнымъ образомъ и выплывая выше глинобитной стѣны, поросшей колючимъ кустарникомъ, свою горбатую спину и колыхаясь своей пошею. Пройдетъ, замолкнутъ мелодичные колокольчики, и снова полная тишина подъ свѣтомъ яркаго солнца.

IV.

Я провелъ три недѣли въ этомъ раю, и тѣмъ долѣе я жилъ, тѣмъ больше чувствовалъ всю прелесть этой весны Востока.

Какія очаровательныя ночи были въ этомъ саду, при лунномъ освѣщеніи! Какія были радостныя свѣтлыя утра, когда дама англушки—и тѣ возносили Богу хвалу, оглушительно звеня своими криками, стонами, визгиваніями, когда просыпалась природа. Это было какой-то оглушительнымъ гимномъ природѣ по утрамъ и вечерамъ—смыхъ противныхъ оуществъ, притаившихся въ прѣлой землѣ и пахучихъ, нездоровыхъ водоросляхъ, въ то время, когда днемъ все словно засыпало подъ яркимъ освѣщеніемъ, чтобы отдать свой ароматъ вечеромъ и ночью солнцу.

Жизнь! Жизнь! Какъ ты становилась понятна тогда мнѣ! Какъ отзывалось во все горячо мое сердце.

Какъ хорошо было въ этомъ саду читать, пречитывать свѣтлыя строки Евангелія о Благовѣщеніи, о входѣ въ Иерусалимъ, о чудныхъ страницахъ жизни Святителя. Какъ живо представлялись картины Его жизни! Все, все напоминало Его. Все, все будило чувства, и я удивлялся вѣрности представленія о жизни этой страны, вѣроятно, еще въ дѣтствѣ, отрочествѣ, впитанной намъ изъ священныя исторіи вѣроятно, еще родившейся въ насъ прѣглядѣ на церковныя картины.

Какъ-то, на пятой недѣлѣ Великаго поста, меня пригласили встрѣчать пароходъ съ паломниками изъ Одессы. Агентъ пароходства говорилъ объ этомъ такимъ торжественнымъ образомъ:

— Приходите, непременно приходите завтра къ приходу парохода съ паломниками: теперь самый разгаръ прѣзда ихъ встрѣтите земляковъ, встрѣтите жителей своей Сибири.

Я съ утра былъ на его береговой уличкѣ, на его уютной, маленькой терасѣ. Парохода еще не было; но надъ зданіемъ конторы пароходства развѣсался нашъ трехцвѣтный флагъ. Чувствовалось, какъ будто наступалъ какой-то праздничный день. Агентъ поминутно прибѣгалъ на балконе и вливался своими морскими глазами въ синюющую даль Средиземнаго моря, ожидая увидѣть дымокъ парохода. Наконецъ онъ показался. Затѣмъ выросъ въ судно едва замѣтное, потомъ—въ ясно видимый корпусъ съ высокими желтыми мачтами, потомъ—въ громадное судно, расцвѣченное разноцвѣтными флагами отъ кормы до носа.

Оно остановилось далеко отъ берега, и мы поѣхали на шлюпкѣ встрѣчать его, облепленные многочисленными арабскими морскими лодками, съ косо поставленными парусами.

Вся палуба подъ развѣвающимися фла-

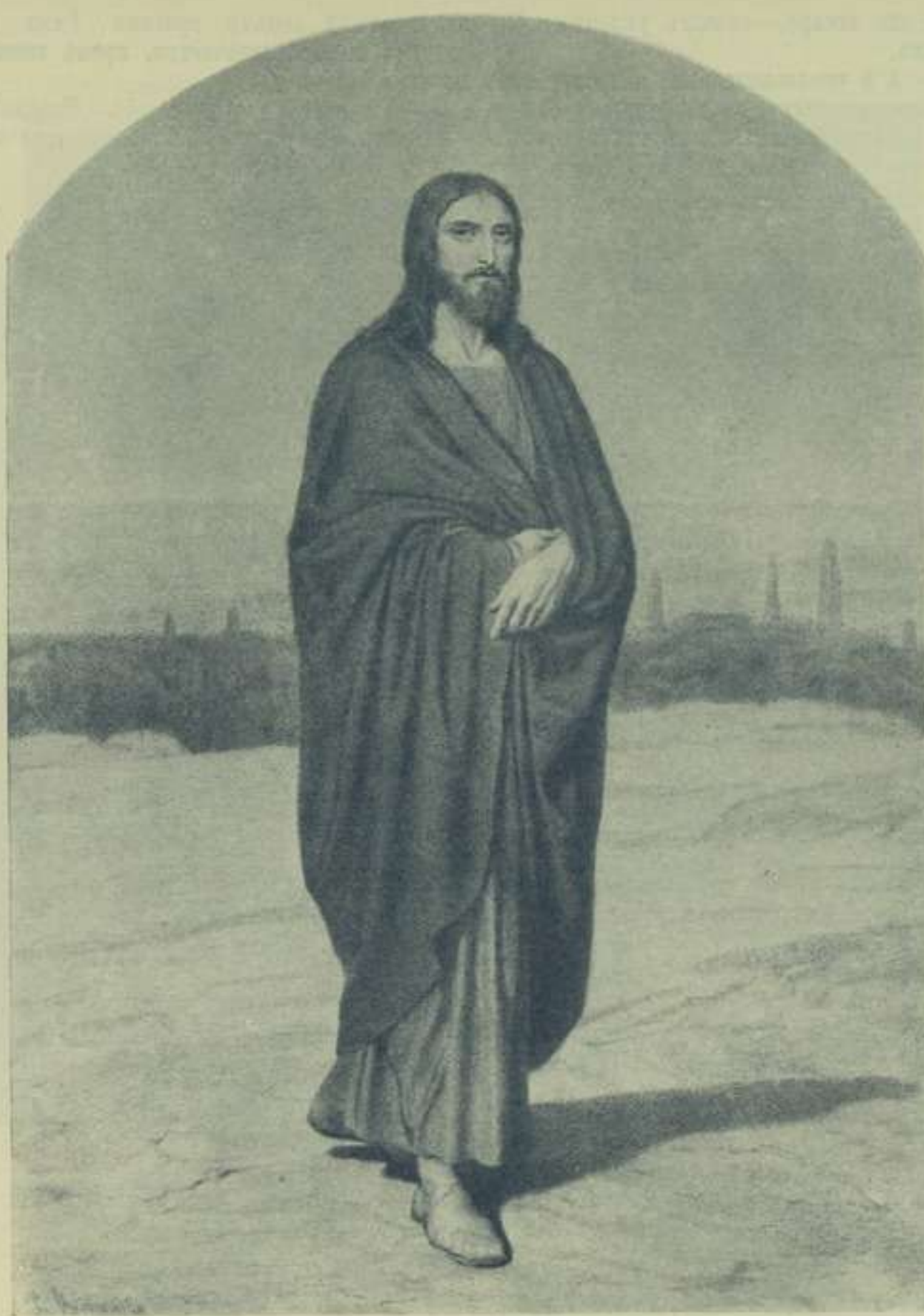
СВЯТАЯ РУСЬ.—Картина М. Несторова.

ство. Въдѣ въ душѣ всѣ они мечтаютъ о своихъ династіяхъ, Маккавеевъ, Хасмонаевъ, о царствѣ своего Давида. Все это, конечно, навсегда стертъ въ прахъ. Но мечта остается. Съ саддукеями можно жить въ мирѣ. Это люди просвѣщенные, свободные духомъ. Они любятъ литературу, прелесть жизни, и всѣ заповѣди отцовъ, вѣра Моисея и пророковъ для нихъ, какъ для умныхъ и развитыхъ людей, только сказки, не заслуживающія серьезнаго отношенія. А вотъ это гнѣздо: хасидимы!.. О-о! Посмотри, какъ они глядятъ. Всегда изподлобья. Всегда ты чувствуешь подъ ихъ личиной, что въ ихъ крови непримиримое отвращеніе и злоба, что тамъ, въ ихъ темныхъ вѣкахъ, въ ихъ умахъ, подъ ихъ одеждою скрывается одна мысль, одна надежда—быть владыками надъ міромъ, что эта безумная мечта царства Давидова, царства избраннаго народа не умираетъ. Тебѣ въ Тиверіадѣ, повѣрь, гораздо лучше, гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ этомъ проклятомъ городѣ.

— Галилеяне поэты,—замѣтилъ Иродъ. —Вотъ и этотъ Иисусъ—тоже, вѣдь, нищій поэтъ. Галилеяне любятъ свою землю. Посмотри, какъ у нихъ воздѣланы сады и пашни. А эти Иудеи все собираютъ деньги въ своихъ храмахъ и даютъ подѣ большіе проценты. Все конячь на созданіе царства Давидова,—заклучилъ онъ съ усмѣшкой.—Напиши легату, спроси его совѣта въ этомъ дѣлѣ.

— Но легатъ сказалъ въ свою очередь, что это не его дѣло, сказалъ, что у меня достаточно полномочій, чтобы рѣшить самому, что на праздникъ ихней Пасхи мнѣ дано право отпустить одного узника. Легатъ удивился, что я спрашиваю его совѣта или даже прошу мнѣнія въ такомъ мелкомъ дѣлѣ.

— Не проливай крови этого ещцаго Пророка,—сказалъ тихо Иродъ, и въ его рѣзкихъ губахъ полу-Араба что-то дрогнуло. У него въ глазахъ, въ эту минуту, опять встало видѣніе, которое его преслѣдовало послѣднее время: голова Иоаконна на блюдѣ, которую приносятъ Саломея его женѣ. Какъ всѣ слабохарактерные люди, совершающіе жестокости въ силу этой слабохарактерности, Иродъ испытывалъ временами отвращеніе къ жизни, къ женскому тѣлу, женскому соблазну, къ самому себѣ, послѣ этого ужаса пляски Саломеи, купившей ею голову Иоаконна. Въ воображеніи его теперь такъ часто соединялась эта пляска, грація, соблазнъ, безстыдство юнаго и прекраснаго тѣла Саломеи съ отрубленной головой пророка, глядѣвшей пристально въ его глаза своими мертвыми глазами. Въ галлюцинаціи Ирода эта мертвая голова начинала прыгать вмѣстѣ съ тѣломъ Саломеи. Тетрархъ замиралъ отъ всѣхъ, и слышались его дикіе крики. Въ прислабномъ къ нему Пилатомъ Иисусъ онъ не увидѣлъ воскресшаго пророка. Неужели человекъ, приходившій къ нему отъ Пилата, былъ тотъ, который, будто бы, шелъ во слѣдъ за Иоаконномъ и былъ выше его? Человекъ этотъ смотрѣлъ въ глаза Ироду и молчалъ на всѣ его вопросы. Въ Его взглядѣ не было ничего прозакаго, но была такая глубокая тайна этихъ молчаливыхъ глазъ и молчаливыхъ устъ... Въ Иоаконнѣ было что-то дикое, съ этою лвиною прирой, что-то грозное, какъ будто отъ льва и отъ человека. А въ этомъ была какая-то благодатная, задумчивая гармонія всего Его существа, мысль, не открытая этимъ человекомъ Ироду, но глубокая, прозрѣть которую Иродъ не могъ. Иродъ втайнѣ боялся и этого, боялся новаго грѣха, если выскажетъ слово осужденія,—и этого тоже лишитъ жизни, какъ Иоаконна. Иродъ спрашивалъ себя: допрашивая Иисуса: «Отчего же, если бы Онъ имѣлъ власть свыше и былъ тотъ, что выше Иоаконна, отчего же Онъ бы меня не поразилъ смертью въ отмщеніе? Значитъ, Онъ не какой-то пророкъ свыше, а только ментъ

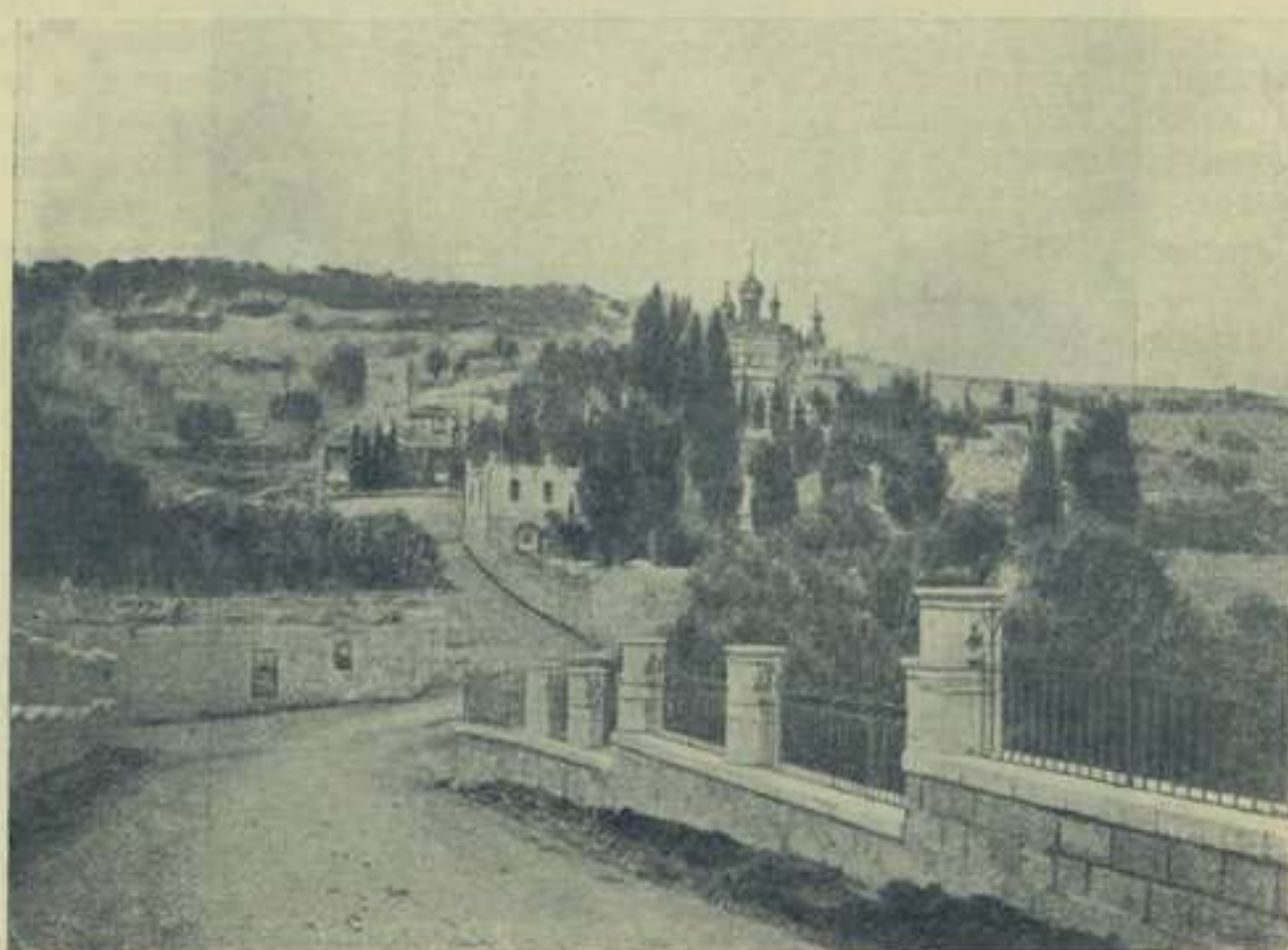
ХРИСТОСЪ.—съ картины А. Иванова «Явленіе Христа народу».

Себя такимъ. И нечего мнѣ Его бояться, и Иродъ Пилату,—уѣзжая отъ него въ Тиверіаду.

Иродъ, при окружающихъ, смѣялся надъ Иисусомъ, показывая свое презрѣніе къ нему, ридилъ Пилатъ остался одинъ, со своими мыслями, со своимъ чиновничьимъ положеніемъ, чиновничьимъ долгомъ, со своими заботами, своими чиновничьими страхами, боя, если *вправду* отпустилъ на свободу чиновничьи убѣжденіями, въ которыхъ его человѣческая мысль терялась и раздвигалась.

— Не проливай кровь Его,—сказалъ То, чего онъ не говорилъ Ироду, во что

рѣ святой землѣ.

ГОРА ЕЛЕОНСКАЯ и Геосиманскій садъ у Недропова потока.

Иродъ зналъ, это были, между прочимъ, долги Пилата или, проще говоря, взятки, которыя онъ принималъ отъ лицъ того же иудейскаго синедріона. Бралъ онъ и отъ богатаго человека изъ фарисейскихъ начальниковъ Никодима, и отъ первосвященствующаго на тотъ годъ Каиафы. Никодимъ былъ человекъ очень остроумный, но Пилатъ зналъ, что Никодимъ тяготеетъ къ тому, что проповѣдывалъ этотъ Иисусъ Галилеянинъ, такъ же, какъ и жена Пилата, которая любила бесѣдовать съ Никодимомъ. Пилатъ не могъ бояться Никодима или другого богатаго человека, Иосифа изъ Аримавси, несомнѣнно для Пилата, прилегающаго своими помыслиями къ назарейской сектѣ. Но Каиафы и его зятя Анны, людей непоколебимыхъ въ дѣлѣ вѣры, не шаткихъ, какъ Иосифъ или Никодимъ, признающихъ одинъ законъ Моисея, данный ему въ откровеніи самимъ Иеговой, чтущихъ только видимо кесаря, но созидающихъ въ мечтахъ царство Давидово, кромѣ того людей богатыхъ отъ храма, отъ торговли въ немъ и ненавидящихъ Иисуса за проповѣди противъ торговцевъ, обрядовыхъ молельщиковъ, книжниковъ,—этого Каиафы и синедріона Пилатъ боялся. Боялся онъ не только доноса полупомѣшанному кесарю или его наперснику Макрону, но боялся также и возмущенія въ городѣ, послѣ котораго могъ не удержаться. Тиберій былъ въ такомъ упадкѣ духа, что боялся собственной тѣни, не только возмущенія. Запугать его было нетрудно. И вся карьера Пилата могла теперь, благодаря этому злополучному дѣлу, висѣть на волоскѣ.

Со своимъ скептическимъ складомъ римлянина, человека образованнаго, но реального съ ногъ до головы, съ идеей высокаго презрѣнія относился къ той какой-то особенной, не римской истинѣ, о которой такъ загадочно и туманно говорилъ Иисусъ. Стоя передъ Иисусомъ, онъ видѣлъ въ Немъ какого-то обособленнаго отъ себя человека, для котораго не существуетъ ничего въ томъ мірѣ, въ которомъ жилъ Пилатъ. То, что говорилъ въ своихъ притчахъ Иисусъ, поражаило жену Пилата, то, что рассказывали о Его дѣлѣніяхъ больныхъ, даже воскрешеніи умершихъ, приводило жену Пилата въ состояніе волненія, умиленности, какого-то ужаса и благочестія. Она уже *вспрела* въ истину Иисуса, которую Пилатъ отклонялъ отъ себя, которую онъ игралъ въ своемъ скептическомъ, образованномъ римскою и греческою литературой, умѣ, и умѣ чиновника, выдававшего всякіе виды и знавшаго, что такое карьера и пути къ ней,—игралъ, какъ мячикомъ. Но такой близкій человекъ, какъ жена, и вся атмосфера, которая наполняла его домъ, куда стекались на половину жены какія-то возбужденныя женщины, поклонницы этого сектанта изъ Галилеи, и эти тайные ученики, въ родѣ Никодима и Иосифа,—все вмѣстѣ взятое внесло путаницу въ его чиновничьи убѣжденія, чиновничій долгъ правителя вѣренной провинціи, въ которой онъ обязанъ поддерживать порядокъ, спокойствіе, вѣрность кесарю и римскимъ законамъ. Боги Олимпа не смущали душу Пилата. Боги должны существовать, по его убѣжденіямъ, и пужно было воздавать имъ почести. На этомъ, какъ и на почестяхъ кесарю на землѣ, создавался правственный порядокъ жизни. Но боги или богъ, видимые боги съ ихъ страстями, какъ у многихъ, или невидимый, но вседѣущій и всенаполняющій собою богъ,—это былъ вопросъ, который не имѣлъ показуя, мѣста для чиновника вообще, и тѣмъ не менѣе существовалъ для Пилата. Въдѣ объ этомъ вседѣущемъ божествѣ говорилъ и Зенонъ со своей школой стоиковъ, и эта вѣра имѣла уже мало общаго съ младенческой вѣрой въ боговъ и богинь, со сказаніями для черни, которымъ не вѣрили образованный римлянинъ Пилатъ. Конечно, вѣрнѣе всего, что, слѣдуя ученію Платона, перейдешь послѣ смер-

ти во что-нибудь, в душу человеческого существа, или в салат, который воздвигается в своем саду. Галилеянинъ общаетъ царство небесное. Хочетъ наградить всѣхъ добрыхъ и чистыхъ сердецъ. Что-жъ? Какой вредъ въ этомъ учении? И что такое горсть Иудеевъ, горсть Галилеянъ для Рима, для міра? Пускай ихъ между собою ссорятся, спорятъ, проповѣдываютъ. Для міра вся эта проповѣдь ничто». Но, разсуждая такъ съ самимъ собой, Пилатъ тутъ же говорилъ себѣ: «Все это такъ. Но долженъ я на этихъ дняхъ дать рѣшительный отвѣтъ синедриону. Прочь говориль: «не проливай крови», жена говоритъ «не дѣлай зла праведнику». Я долженъ рѣшиться»...

III.

Въ этотъ же день, еще до рѣшенія по дѣлу Иисуса, Пилатъ сидѣлъ съ женой и Никодимомъ. Никодимъ явился съ секретными отчетами къ прокуратору и между нимъ, Пилатомъ и его женой шелъ разговоръ, въ которомъ было нѣчто тайное для синедриона, такъ какъ фарисей Никодимъ, одинъ изъ начальниковъ иудейскихъ, боялся говорить открыто противъ синедриона.

— Они возбуждаютъ народъ, — говорилъ тихо Никодимъ, — и если ты, правитель, не подавишь рѣшительно народнаго движенія, — то они погубятъ невиннаго Праведника.

— Не дѣлай, не дѣлай,

Пилатъ, зла Праведнику! — вторила Никодиму жена Пилата. — Вспомни мой сонъ. Ты погубишь себя, если прольешь Его кровь.

— Я не собираюсь проливать Его кровь, — отвѣчалъ Пилатъ. Но вотъ ты, Никодимъ, говоришь: подави возмущеніе народа, къ которому направляетъ его синедрионъ. Вотъ ты начальствующій человекъ. Что же ты не скажешь этимъ Иудеямъ: остановитесь въ вашей бѣшенной злобѣ! И ты Его считаешь праведникомъ, какъ и моя жена, а я не знаю, праведникъ Онъ или нѣтъ, но, по моему, Онъ безвреденъ и для Рима и для кесаря. Отчего ты не попробуешь удержать отъ нападенія на Него, на Праведника, синедрионъ?

Никодимъ испуганно взглянулъ на Пилата:

— Но гдѣ же мнѣ? Могу ли я бороться съ синедриономъ! Синедрионъ съестъ меня, только и всего. Ты правитель, у тебя власть, въ твоихъ рукахъ войско.

— Пилатъ, ты долженъ защитить Его. Не пролей, Пилатъ, крови Праведника. Ты погубишь себя. Ты погубишь свою душу, — сказала жена.

— Не пролей крови! Ты говоришь то же, что Иродъ говоритъ. Но Иродъ Его отослалъ обратно ко мнѣ. Не Ироду разбираться въ этомъ дѣлѣ, а мнѣ. Я имѣю власть, имѣю войско. Хорошо: я отпущу Его, — они побьютъ Его камнями. Это злое племя. Каиафу не смягчишь. Это волкъ въ ярости. Онъ не успокоится, пока крови этого Галилеянина не увидитъ на крестѣ.

— Ты имѣешь право отпустить узника на Пасху. Отпусти Его. Это твое право, — сказалъ Никодимъ. — Чего ты боишься?

— Да, чего ты боишься? — переспросила жена.

— «Чего ты боишься?» Чего я боюсь? — раздраженно воскликнулъ Пилатъ. — А Никодимъ вѣдь тоже боится? Почему? Потому, что знаетъ, каково жить съ волками.

— Я не прокураторъ, не уполномочен-

ный отъ кесаря, — сказалъ уклончиво Никодимъ.

— А я уполномоченный, я прокураторъ Израиля.

и знаю по опыту, по давнишнему опыту,

что значить править вотъ такой провин-

цями этими людьми, врагами Рима

и дашь? Отчего ты за Нимъ не идешь, какъ

врагами всего человечества, кромѣ своего

Израиля, синедриону. Синедрионъ имѣетъ деньги, и

— Ты невѣрно судишь объ Израилѣ, синедриону.

— сказалъ Никодимъ. — Не всѣ таковы въ ты сидишь

«СЕЛО НА РѢКѢ». — Картина А. Н. Шильдера.

Израилѣ, какъ ты говоришь. Развѣ не изъ нныхъ ссоры, заговоры, ненависть, скрытая колѣна Давидова пришелъ въ міръ этотъ злоба, изувѣрство, торгашество, тьма Праведникъ?

— Праведникъ! Который разъ ты все книжики и священники талтъ доносъ на твердишь это слово: Праведникъ! — говорилъ доносъ, сбиваютъ чернь. О, я знаю все все возбужденіе Пилатъ. — Ты вѣришь въ это! Вотъ тутъ и живи, и правь, и ладъ со Него? Отчего же ты душу за Него не от-

бодить убійцу Варраву и осудить на казни Неповиннаго?

У Пилата вырвался глубокой вздохъ.

— Ты женщина, ты называешься на- мѣстницей потому, что ты жена на- мѣстника. Ты не сидишь на судейскомъ стулѣ въ претории, не знаешь саужебныхъ отчетовъ и дѣлъ внутренней политики. Въ этой политикѣ иногда падаютъ убійцу и казнятъ невиннаго. Но я не хочу этого дѣлать. Я еще разъ выйду къ нимъ, выведу невиннаго и скажу еще разъ, что не вижу въ немъ вины. — А если...

— Если что? — спросила жена. — Если все же мнѣ ихъ не убѣдить, я умою руки.

IV.

Со стѣсненнымъ сердцемъ уходилъ Никодимъ изъ дома Пилата.

Фарисей и начальникъ иудейскій, Никодимъ тайно, ночью, ходилъ къ Иисусу Назарянину учиться Его слову.

Человекъ начальствующій, богатый съ виднымъ положеніемъ, Никодимъ жилъ жизнью общаго ему круга, исполнялъ общую вѣру, исполнялъ установленные обычаи, хранилъ присягу кесарю.

Въ жизни его было все правильно, благополучно, законно. Хозяйничалъ онъ въ своихъ имѣніяхъ, провѣрялъ управляющихъ, заботился объ умноженіи доходовъ. Это былъ человекъ, родившійся въ мірѣ определенныхъ понятій, правилъ, поступковъ.

Но съ нѣкоторыхъ поръ Никодимъ сталъ смущеннымъ человекомъ. Смущеннымъ духомъ... Пришелъ Нѣкто какъ бы чуждый всѣмъ и всѣмъ близкій не начальникъ, не чиновникъ, не воинъ, а просто человекъ слова и духа, и слово его разскло на-двое жизнь Никодима.

Вѣдь ничего худого, незаконнаго не дѣлаетъ Никодимъ: онъ дѣлаетъ то же, что дѣлалъ всегда, живетъ, соблюдая тѣ же правила, какія соблюдалъ раньше, и въ домѣ и по службѣ у него благополучно.

Не благополучно только на душѣ. Чиновникъ, начальственный человекъ, человекъ своей фарисейской, общеприня-

Внутренность «ДОМА КАИАФЫ» и дворъ, гдѣ, по преданію, апостолъ Петръ трижды отрелся. Теперь это мѣсто принадлежитъ Армянамъ.

той точки зрѣнія, дорожающей своимъ общественнымъ положеніемъ и благополучіемъ, Никодимъ не рѣшается высказывать открыто то, что смущаетъ его душу. Что-то есть въ самомъ корнѣ различіе между Никодимомъ, его обществомъ, и этимъ смутившимъ Никодимову душу Иисусомъ изъ Назарета.

И это различіе въ Иисусѣ враждебно Никодимову фарисейскому обществу. Стать открыто ученикомъ Галилеянина—значитъ стать преступникомъ въ глазахъ общества. Никодимъ, какъ все среднее, благополучныя въ своей жизни люди, былъ человекомъ уклончивымъ, осторожнымъ,—слишкомъ много было, что ему не хотѣлось терять въ этой жизни.

Тайно чувствуетъ онъ что-то несправедливое въ общественной враждебности къ Иисусу изъ Назарета, тайно смущается духомъ, тайно, почти, ходитъ видѣться съ Иисусомъ.

Человѣкъ богатый, чиновный, не молодой, елочно, робкимъ мальчикомъ стоитъ онъ передъ этимъ какъ бы чуждымъ всемъ и какъ бы всемъ близкимъ Человекомъ и спрашиваетъ Его, какъ Учителя:

— Равви, какъ можетъ человѣкъ родиться, будучи старъ? Неужели онъ можетъ въ другой разъ войти въ утробу матери своей и родиться?

И Учитель отвѣчаетъ: — Рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ духа есть духъ. Не удивляйся тому, что Я сказалъ тебѣ: должно всемъ родиться свыше. Духъ дышитъ гдѣ хочетъ, и голосъ его слышишь, а не знаешь откуда приходитъ и куда уходитъ. Такъ бываетъ со всякимъ рожденнымъ отъ духа.

И когда Никодимъ уходитъ отъ Иисуса, робко и оглячиво, какъ бы кто не выдалъ его свиданій съ проповѣдникомъ, два человека говорятъ въ немъ между собой.

Одинъ говоритъ: — Должно вамъ родиться свыше. Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ.

Другой прибавляетъ Никодима къ землѣ, запугивая, заставляя думать, какъ только зашевелится вокругъ него непривычная жизнь, становится тѣмъ Никодимомъ, который говоритъ привычныя слова, выражаетъ привычныя мысли, и если позволяеть себѣ имѣть свободу мыслей, то все же не ту, которая возмущаетъ близкій ему общественный кругъ.

«Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ, и надо родиться свыше».—это онъ повторяетъ про себя, надъ этимъ мучается мыслью ночь, въ постели, не закрывая глазъ. Днемъ, въ привычномъ колесѣ своего круга, онъ остается съ понижшимъ духомъ, пригнута, рожденнымъ только однажды—отъ плоти, а не дважды: еще и свыше.

Никодимъ несчастенъ. Ничего не совершилъ преступнаго, не за что его судить. А вину за собой чувствуетъ!

И въ чемъ же эта вина? Не смѣетъ сказать онъ открыто: — Духъ дышитъ, гдѣ хочетъ.

Съ этими мыслями, поникшій, пригнутый въ землѣ, шелъ онъ изъ дома Пилата наканунѣ рѣшенія по дѣлу Иисуса.

V.

Прошло два дня. Никодимъ сидѣлъ у себя въ домѣ одинъ, запершись.

Часы были вечернія, заря начинала гаснуть, въ садахъ—темнѣть, и все, что было страшнаго этимъ днемъ, совершилось и умолкло. Какъ это бываетъ вечеромъ, на закатѣ было что-то и въ воздухѣ, и въ этомъ ярко пламенѣющемъ на краяхъ свода небѣ, какъ будто застывшее, страшное, въ самомъ этомъ багрянцѣ неба, какъ будто тоска какой-то отходной. И листья въ садахъ не шевелились, и словно какая-то тоска просачивалась сквозь ихъ мракъ отъ багряныхъ полосъ умирающаго дня.

Эта тоска заката и мысль о крови въ красныхъ полосахъ неба была въ Ни-

въ святой землѣ.

«ГНОЙНЫЯ ВОРЮТА» въ стѣнѣ Іерусалима.

Черезъ эти ворота, върѣе всего, былъ проведенъ Спаситель изъ Геесимаина на судъ первосвященника Анны. Направо у стѣны — русская паломница-крестьянка.

кодимовой душѣ, томилъ эту душу, давила какой-то мертвой пустотой.

Никодимъ не былъ на мѣстѣ казни. Онъ издали видѣлъ только, прижавшись къ своему окну, шестиве. Онъ видѣлъ колышущуюся, ревущую, какъ многоголосый и многослы зѣбрь, толпу, и впереди толпы неясно—впрочемъ, Никодимъ боялся ясно увидѣть.—Его, и что-то большое надъ нимъ: крестъ. Колыхались швы волновъ надъ этой толпой, пробѣжали двѣ совѣтъ потерянныя отъ ужаса женщины, знакомыя Никодиму, подъ его окномъ, не видя его, прижавшагося въ уголокъ, пробѣжали, не видя ничего передъ собой, кромѣ ужаса, который двигался тамъ, въ этомъ шествіи креста и толпы.

И когда все это скрылось изъ глазъ Никодима, и улица осталась передъ его глазами совершенно опустѣвшая, какъ будто вымершая, какъ всегда бываетъ во время большихъ событий, отвлекающихъ все население, Никодимъ остался въ этомъ ужасѣ одиночества съ этой тяжестью пустоты во всемъ существѣ.

Время текло пустынь въ этомъ одиночествѣ Никодима, въ моментъ этой вымершей улицы. И въ умѣ Никодима только проскальзывали жуткія мысли, отъ которыхъ ему хотѣлось спрятаться, жуткія представления креста и того, что совершается на немъ. Сперва работа палачей, а потомъ крестная мука, медленное умраженіе часами, и наконецъ смерть.

Среди пустоты улицы, среди этой мертвой тишины вдругъ что-то загремѣло, надвинулось, какъ ночь, засверкало и потресло и дохъ Никодима, и улицу, и какъ будто, казалось Никодиму, всю природу.

Пронеслась гроза. А потомъ опять все затихло, и Никодимъ сидѣлъ, ходилъ, весь тяжелый, и весь пустой отъ тоски. Улица начала наполняться. Возвращались оттуда (говорить себѣ Никодимъ) мужчины, женщины, одни молчаливые, другіе очень говорливые, и скоро улица опять начала свою прежнюю жизнь.

И пришелъ одинъ изъ служителей Никодима, ходившій туда смотрѣть. Онъ не боялся глядѣть на казнь, на муки Иисуса, и все видѣлъ и рассказывалъ подробно.

VI.

Поздно вечеромъ тайно пришелъ къ Никодиму другой тайный ученикъ Иисуса Назарянина, Иосифъ изъ Аримаеи, и сказалъ:

— Пойдемъ къ Пилату просить тѣло для погребенія.

— Пойдемъ,—сказалъ Никодимъ.

И вышли оба они и пошли, оглячиво, къ Пилату. Въ домѣ Пилата было темно, и тѣмъ лучше было для тайныхъ просителей.

Послелъ слуга къ правителю и возвратился, сказавши, что правитель ихъ проситъ.

Когда они вошли къ Пилату, то засталъ его ходящимъ взадъ и впередъ въ возбужденіи.

Увидя ихъ, онъ сказалъ нѣсколько разъ быстрымъ, прерывающимся голосомъ:

— Я умылъ руки. Я умылъ руки. Я не виноватъ!..

Потомъ спросилъ:

— Что вамъ?

Они сказали:

— Позволь снять тѣло съ креста и похоронить по обычаю.

Пилатъ сказалъ:

— Разрѣшаю.

Узнавши, что они у Пилата, пришла жена его и сказала:

— Я дамъ свою жертву на благовоенія, и пойду съ вами погребать.

— Итъ, итъ,—сказалъ Пилатъ.—

Этого я прошу тебя не дѣлать. Изъ этого только выйдетъ снѣтня, какой-нибудь доносъ, обвинить меня же въ соучастіи съ врагами кесаря. Итъ, итъ! Дай жертву, но, прошу, останься дома. Ты жена должностнаго лица и не должна принимать участія ни въ какихъ тайныхъ сходбищахъ. Довольно и того, что ты сдѣлаешь.

И вдругъ опять возбужденно воскликнулъ:

— Я въ крови Его неповиненъ, я умылъ руки... Я умылъ руки...

И Никодимъ вмѣстѣ съ Иосифомъ изъ Аримаеи сняли пригвожденное тѣло Иисуса съ креста.

И принесли съ собой составъ изъ алоэ и мұра литровъ около ста.

Богатый почитатель—съ богатыми дарами.

И плачущія жены были тутъ: скорбящая Матерь, Марія Клеопова, Марія изъ Магдалы.

И было это глухой ночью. Уместили благовоенія тѣло, обвили пеленами, положили во гробъ.

И тайно разошлись. И со свѣтомъ дни потекла опять, явная для другихъ, привычная жлзнь Никодима.

Н. Вильде.

Только одна ночь.

Горная легенда.

Нерѣдко въ тѣснинахъ горъ, глубокихъ пропастяхъ, непролазныхъ ущельяхъ совершенно случайно отыскиваются каменные изваянія какихъ-то человѣческихъ фигуръ, иногда они представляютъ собою получеловѣка, полуживра, носятъ и другія фантастическія очертанія.

Попадаются эти изваянія больше всего горнымъ охотникамъ, дровосѣкамъ, въ непроходимыхъ тѣснинахъ... Имъ они не представляютъ никакого интереса и, по большей части, оставляются тамъ же на мѣстѣ, гдѣ эти люди ихъ находили.

Въ самомъ дѣлѣ, не тащить же тяжелыя каменные глыбы въ родныя селенія, гдѣ они никому не интересны и не представляютъ никакой цѣности! Правда, однажды, когда охотникъ за лисцами Балдуио Форрести пригналъ, вряхти отъ неопослѣнной пощи, небольшую каменную фигурку домой, то зашедшій случайно въ его хижину туристъ Англичанинъ купилъ ее у Балдуио и недурно заплатилъ. Но въдѣ это не прихѣтъ тому, чтобы всѣ эти фигуры возможно было продать. Ихъ въ горахъ встрѣчается не мало, а тутъ еще падре Анжелино, очень строгій мѣстный священникъ, даже заклалъ жителей дотрагиваться до этихъ проклятыхъ изобразеній, чтобы за это послѣ смерти не попасть въ адскія мученія.

— Это древніе идолы, которыхъ свергли христіанскіе святые,—сказалъ онъ имъ.

Повѣрили ли наивные горцы такому объясненію своего падре, или просто были лѣнивы, но съ тѣхъ поръ никто не притаскивалъ никакихъ каменныхъ изваяній подъ родную крышу, и, встрѣчая ихъ въ горныхъ расщелинахъ и пропастяхъ, обходили изъ боязни мимо. Во словахъ падре Анжелино все же таилась доля правды. Всѣ эти каменные фигуры были не изваяніями языческихъ боговъ, но это были сами «Dios Minor» языческой мѣтѣологии.

ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА УЧЕНИКАМЪ ВЪ ЕММАУСЪ.—Карт. Жирарде (Girardet).

Страстные проповѣди христіанскихъ проповѣдниковъ, суровыхъ монаховъ, изгнавшихъ ихъ изъ густыхъ оливковыхъ и лавандовыхъ рощъ, заставили покинуть звонко журчащія воды рѣкъ и источниковъ, скрыться изъ лѣсистыхъ пригорьевъ и бѣжать стремительно въ горы, въ суровыя каменные громады.

Здѣсь еще въ некоторое время они робко поглядывали на покинутыя ими чудныя мѣста, укоразненно кивая головою на измѣнившихъ имъ, еще недавно почитавшихъ ихъ, людей, жалобно стонали, когда холодный траматано бурей пронеслся по разсыпавшимъ горь, замораживая все живое.

Когда христіанство окончательно воцарилось на лазурныхъ берегахъ цвѣтущей Лигуріи, и знаменіе Христа стало преградой старымъ богамъ, волею Всевышняго они были всѣ обращены въ камни, безмолвные, ничего не создающіе, не чувствующіе...

Древній міръ умеръ, воцарилась новая эра.

II.

Не мало прошло вѣковъ послѣ этого. Забыты и древняя религія, ея обряды, жертвоприношенія, шумливый культъ жизнерадостнаго Вакха, съ его разнузданной толпой вакханокъ, жоклоногихъ сатировъ. Замерли навсегда стонанія несчастной нимфы Эхо, дріады не качаются на вѣтвяхъ деревьевъ, въ ручьяхъ источниковъ не плещутся шаловливыя нимфы, а задумчивый Панъ не улаживаетъ своєю флейтою въ лѣсныхъ дебряхъ звѣрей и птицъ.

Все позабылось. Ахъ, нѣтъ! Только Амуръ, скорѣе оказавъ, воспоминаніе о немъ по прежнему живетъ въ народѣ и смущаетъ весенней порою дѣвушекъ и молодыхъ парней.

Все переѣнилось. И люди стали не тѣ: вырублены непроходимыя рощи, исчезли шумливыя рѣчки, а ручейсковъ нѣтъ и помину. Исчезли незатѣйливыя хижины старинныхъ обитателей, вмѣсто нихъ высятся громадные отшельничьи дворцы, тихій окричь прубо сколоченной тельги на огромныхъ колесахъ изъ дерева согбился на-

Пасха.

Изъ А. Османъ*.

Они сказали: «Онъ не страшень больше намъ:

Мы, жёлчь Ему подавъ, Его убили слово,
Чело и мысль Его пронзалъ вѣнецъ терновый,
Могила заперта, глуха къ людскимъ мольбамъ!...

Христось Воскресъ! Предсталъ Своимъ ученикамъ
Въ саду жасминномъ Онъ, близъ входа гробового;
Распятый побѣдилъ, Онъ смерти свергъ оковы,
Дрожить Пилать, Его предавшій палачамъ.

И сильная въ скорбяхъ Мать Господа благая,
Отъ радости теперь почти изнемогая,
Рыдаеть, скрывъ Свой ликъ въ тяжелыхъ волосахъ.

И въ бѣлыхъ, какъ крыло голубки, небесахъ
Изъ хаоса возставъ для жизни безконечной,
Восходитъ, свѣтъ дая свой, Солнце правды вѣчной.

О. Г. Каратыгина.

* Современная французская поэтесса. Род. въ 1872 г.

зойливымъ свисткомъ паровоза, надѣдливой сиреной автомобиля, исчезла идилическая тишина на этихъ берегахъ, ворвалась шумная толпа пришельцевъ, настойчивыхъ, крикливыхъ, требовательныхъ...

Только цвѣты остались попрежнему властелинами этихъ мѣстъ, но и они не растутъ теперь, какъ прежде, свободно, не свѣшиваются изъ-за каменныхъ стѣгъ буйныхъ головки роскошныхъ розъ, не смотритъ изъ расщелины скалъ глазокъ глицинии,—всѣ они теперь посажены въ рядкѣ, ровными рядами, цвѣтутъ только въ извѣстное время и приносятъ своими цвѣтами пользу выращивающимъ ихъ людямъ.

Вездѣ протанулись ровныя, какъ папирусъ, дороги, ночная темнота озарилась яркимъ электрическимъ свѣтомъ, вездѣ заблестѣли фонарики, лампочки. Даже на морскомъ просторѣ, какъ ядрій огненный глазъ, затеплился фонарь маяка.

Опустѣло и море. Уплыли на глубины прожорливыя музны, громадные спруты, зубастыя чудовищныя рыбы. Мирно спятъ на днѣ морскомъ шаловливыя nereidy и другія морскія божества. Трудолюбивые моряки вытаскиваютъ сѣтями только мелкую триллю, очуги и другихъ обывателей моря.

И весь берегъ застроился длинною каменной набережною, на которой гуляютъ, грѣясь на солнцѣ, тысячи прѣзжихъ.

Такъ все переѣнилось на цвѣтущихъ берегахъ Лигуріи.

III.

Мягкая, совсѣмъ непохожая на свою суровую сѣверную сестру южная зима незаметно исчезла, ее смѣнила страстная, вся облытая трепетомъ солнца, ласкою вѣжныхъ листьевъ и ароматомъ цвѣтущихъ деревьевъ,—южная весна.

Самое море стало изумруднѣе, лазурь неба посинѣла, сдѣлалась глубже, лучи солнца еще болѣе разукрасили чудную картину, сдѣлали ее еще болѣе яркой, болѣе заманчивой.

Приблизилась Пасха, этотъ радостный христіанскій праздникъ. Нигдѣ не ожидаютъ его съ такимъ нетерпѣніемъ, не радуются его приходу, какъ на югѣ. Вѣдь съ

ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА УЧЕНИКАМЪ ВЪ ЕММАУСЪ.—Карт. Жирарде (Girardet).

путь возвращается жаркое солнце, источник всякого блага для людей.

Всевышний въ своемъ неисповѣдимомъ предназначеніи разрѣшилъ, чтобы въ эту великую ночь всѣ окаменѣвшіе древніе языческіе боги ожили, но только отъ появленія ночной звѣзды и до восхода утренней, а затѣмъ ихъ снова ждало каменное безжизніе, безчувственность, забвеніе...

Золотымъ вѣстникомъ прорѣзала темную синеву неба вечерняя звѣзда. Блестящей стрѣлой она проникла въ самую глубокія пропасти, въ самую темную ущелья, скользнула въ утробы пещеры и проходила.

Встреонулись каменные изваянія, оживались понемногу всѣ эти дриады, сатиры, нимфы, проснулся льбной властелинъ, Панъ, рука его безсознательно схватилась за флейту и поднесла къ губамъ. Послышался тихій призывный акордъ, когда-то такъ властно тревожившій людей, застучали о горные массивы копытцы фавновъ... Суетливо выбѣжали они изъ пещеры, тряхнули рогатыми головами, проблеяли. Легкой волнистой походкой сбѣжали со скалъ дриады, изумленно остановились на покрытыхъ зеленымъ ковромъ горныхъ скалахъ. Тамъ, внизу, въ болотныхъ заросляхъ ожили нимфы, и онѣ взглянули на цѣлосторъ.

Рѣзвой стаей пронеслись кверху блѣдныя тѣни пенатовъ, прозвучалъ звонкій рокотъ толстаго селена,—и хороводъ потянулся по горнымъ уступамъ, все больше и

больше развиваясь, шума, веселая, бросая въ ночную тишину громкими криками: «Эвоэ!»

IV.

Суровыя горныя громады уже оставлены богами, они стремятся въ прекрасную долину, гдѣ когда-то было ихъ жилище, гдѣ они были властелинами, гдѣ всѣ поклонялись имъ, ставили жертвенники и возносили имъ моленія, курили омиамъ.

Но гдѣ же эти непроходимыя рощи лавровъ, оливъ? Ихъ нѣтъ. Рѣдкія деревья нѣтъ и напоминаютъ бывшихъ священниковъ убѣжище боговъ, все перевернуто лентами дороги, исчезли хижины жителей, портики и жертвенники, нѣтъ розовыхъ зарослей, виноградный листъ не переграждаетъ тропинки, не слышится звонкій шелестъ ручья, падающаго въ блѣномраморный водоемъ. Какія-то странныя зданія, съ освѣщенными ярко окнами глядятъ въ темноту ночи. Улицы, хотя и пустыны, но это не прежніе кривые закоулки, въ которыхъ такъ легко было спрятаться и дразнить прохожихъ шаловливымъ дридамъ, а нахаламъ сатирамъ пугать, внезапно появляясь передъ ними.

Толпа боговъ, смущенная переменой, сбѣжала ближе къ морю. Нѣтъ, море то же, такъ же таинственно блещутъ его шумливыя волны, подъ свѣтомъ звѣздъ.

— Эвоэ, эвоэ!—призывно звучатъ крики вакхическаго хоровода, но никто не откликается со дна моря, никто не появляется на его волнахъ.

Тщетно всматриваются боги, не мель-

путь ли рука шаловливой переиды между брызгами волнъ, не засвѣтитъ ли золотой трезубецъ Нептуна...

Нѣтъ. Ничего!.. Вдали что-то зашумѣло, захохотало, изъ темной пропасти берегового пригорка показались два огненные глаза. Еще за минуту шумливая толпа боговъ робко сбилась въ кучу, какъ будто испуганное стадо барановъ, со страхомъ ожидая, что будетъ дальше. Громыкая по чугуннымъ рельсамъ, отдаваясь эхомъ въ только что оставленномъ туннелѣ, вырвался на свободу желѣзнодорожный поездъ и, блестя яркою лентою освѣщенныхъ вагоновъ, бѣшено промчался мимо, оставляя за собой облако дыма и свѣтящихся искръ.

Бѣдные боги! Они не знали, что это за чудовище, откуда оно явилось и куда исчезло. Все это было такъ ново, такъ неожиданно для ихъ пониманія... Древній міръ не могъ перескочить ту вереницу вѣковъ, въ которую сбѣжала такіе успѣхи цивилизаціи.

Что-то назойливо прошумѣло надъ головами ожившихъ боговъ. Затрещало и понеслось дальше.

— Какая громадная ночная птица!—изумился Вакхъ, поглядывая на пролетѣвшій аэропланъ.—Мнѣ не приходилось никогда видѣть такой.

Дриады, хотѣвшія забраться на вѣтви деревьевъ, чтобы разсмотрѣть ее, не могли исполнить своего желанія. Громадныя пальмы, ими низкогда ее виданья, не представляли такого удобства, какъ

древніе оливы и лавры; твердые, глянцевитые листья кололи нѣжное тѣло, руки скользили по гладкой поверхности листьевъ...

Изъ открытыхъ оконъ роскошнаго казино, стоявшаго недалеко на берегу, раздавался веселый опереточный мотивъ, звонко зашлепывали скрипки, имъ вторили клареты, заливалась флейта и громко звучали барабаны и мѣдныя трубы.

— Какъ весело живутъ теперь люди!—неожиданно замѣтилъ Панъ, и снова схватился за свою флейту, но блѣдные звуки ея тонули въ громкой музыкѣ, доносившейся изъ открытыхъ оконъ.

— Пойдемте дальше,—предложили другіе боги:—можетъ быть, тамъ мы найдемъ кашихъ бывшихъ поклонниковъ, и они намъ принесутъ моленія, воскурятъ на жертвенникахъ омиамъ.

Уже не такъ радостно, какъ раньше, толпа проснувшихся боговъ потянулась вдоль берега, минуя роскошныя зданія богатыхъ виллъ и отелей.

V

Шумно бѣдетъ волна о камни пустынного берега. Тутъ уагъ нѣтъ никакихъ построекъ, только тянутся по всему изгородь сады съ посаженными цвѣтами для продажи. Нѣсколько фавновъ затѣяли шутивую борьбу между собой, и запутались въ нитяхъ, которыми были запутаны гряды для правильного роста гвоздикъ.

Нимфа Эхо пыталась снѣть свою груст-

ПЕТЕРБУРГЪ XVIII ВѢКА.—Ранняя Пасха.

Рис. С. Пломинский.

Минна Дурлахеръ, не осушая глазъ, разливается въ слезахъ по поводу полученныхъ единичъ. Но хуже всего все-таки эти танцы, разговоры и прогулки по заламъ, и по коридорамъ съ блѣдыми узлами. После каждого бала Катя подвергается жестокой головной боли. Полная радости воспоминаний, она равнодушно выслушиваетъ укоры и наставления, думая: «Говори, говори!».

— Последняя Пасха, последняя заутреня! — многозначительно шепчетъ регентъ Наташа и тихо, тихо, чуть слышно хоръ колодезь институтокъ начинаетъ трудную Херувимскую. По выражению лица Наташи Катя видитъ, что она его довольна, это радуетъ ее; ей самой кажется, что никогда еще она такъ не глѣла, точно кто-то помогаетъ ей. Все расстроены.

фарфоровая ваза съ яйцами, поднесенными начальнице воспитанницами выпускного класса. Среди скромныхъ писанокъ попадаются и художественныя акварели. Катя указываетъ ему на лице ея работы. Розовый фонъ, незаметно переходящій отъ са-маго свѣтлаго оттѣнка въ самый густой и темный; а на немъ изищю разбросаны букетики, гирлянды и вѣночки изъ незабудокъ.

Но она не хочетъ давать его при всѣхъ. По-Женихъ тоже привезъ ей красное яичко, но оставилъ его въ карманѣ шинели. Онъ даетъ его швейцару для передачи ей. Но Катя вовсе не желаетъ получать его отъ швейцара.

— Я хочу, чтобы вы сами мнѣ его отдали,—говоритъ она.—Мы поздравимъ другъ друга съ праздникомъ и поменяемся...

— Какая прелесть! — говоритъ женихъ. Катя признается, что у нея въ карманѣ яйцо, разрисованное специально для него, онъ, просительно взглядывая на нее.

— И похристосуемся? — спрашиваетъ Катя. — Только поскорѣй, поскорѣй! Пока меня не хватились...

Катя смеется, показываетъ зубы и ямочки на щекахъ, но ничего не отвѣчаетъ. Какъ только начинаютъ подниматься изъ-за стола, женихъ и невеста, ускользнувъ въ коридоръ, пробѣгаютъ черезъ большую приемную, уставленную темной триповой мебелью, въ маленькую приемную, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ роля и табуретки. Здѣсь Катя собственноручно открываетъ дверь въ швейцарскую, говоря:

— Только поскорѣй, поскорѣй! Пока меня не хватились...

Онъ не заставляетъ ждать себя и сейчасъ же возвращается, разворачивая бѣлую бумагу, изъ которой вынимаетъ изящный футляръ, заключающій въ себѣ красное яйцо съ флакономъ любимыхъ духовъ Кати.

Торопливо мѣняясь яйцами, женихъ и невеста произносятъ въ одинъ голосъ:

— Христосъ воскресъ! — и крѣпко, сердечно цѣлуются. Тихо прошептавъ себѣ въ отвѣтъ: «Воистину воскресъ!» — они еще разъ обмѣниваются уже болѣе сердечными и длительными поцѣлуемъ. Остается поцѣловаться въ третій разъ; но тутъ неожиданно открывается дверь и показывается красный носъ фрейлейнъ Трейбрухъ.

Смѣривъ преступниковъ взглядомъ ненависти и презрѣнія, фрейлейнъ сухо говоритъ:

— Васъ ждутъ, Лавровская. Идите! И она уводитъ Катю, какъ арестантку, не оглядываясь на молодого офицера, который, подавивъ досаду, отвѣчиваетъ ей утихивый поклонъ.

Въ коридоръ ждутъ ихъ выстроившаяся пара пѣвчихъ. Раскрасившаяся отъ вина, ужина и гнѣва, фрейлейнъ, молча, нахмурившись, ведетъ ихъ вверхъ по лѣстницѣ.

На порогѣ дортуара она останавливаетъ Катю, неожиданнымъ рѣзкимъ движениемъ выхватываетъ у нея изъ рукъ футляръ съ дорогимъ яичкомъ и, не обращая вниманія на протесты и волненіе Кати, строго говоритъ:

— Мойтесь и раздѣвайтесь! Но прежде, чѣмъ лечь, зайдите ко мнѣ въ комнату. Мнѣ надо поговорить съ вами серьезно.

НА СТРАСТНОЙ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Въ первый разъ «на Страстную». Съ фот. Нат. Семпликовича.

Съ меньшимъ успѣхомъ проходятъ и концертъ Бортинскаго.

— Ай-да мы! — тихо говоритъ лучшей вальт, складывая ноги.

По окончаніи богослуженія институтки выстраиваются въ пары и идутъ въ столовую разговляться. А двѣнадцать лучшихъ пѣвчихъ, по тѣмъ изъ каждого голоса, въ сопровожденіи фрейлейнъ Трейбрухъ, спускаются внизъ, въ квартиру княжны, въ ея столовую, гдѣ стоятъ накрытые столы, уставленные пасхальными яствами и цвѣтами. Здѣсь еще разъ институтки поютъ «Христосъ Воскресе», «Ангель вопиаше» и «Многая лѣта» своему начальству, послѣ чего всѣ садятся и разговляются. Молодой уланъ, естественно, слышитъ занять мѣсто подле невесты, а фрейлейнъ Трейбрухъ обходитъ столъ кругомъ, чтобы съѣсть противъ нихъ и мѣшать имъ переглядываться и говорить глупости. Однако, опустившись на нагѣнный стулъ, она видитъ, что ошиблась. Корзина съ глянцами и тюрбанами совершенно заслоняетъ отъ нея молодую пару. Фрейлейнъ любитъ покушать, а женихъ и невеста свободно воркуютъ за глянцами, радостно поглядывая другъ на друга. Сколько бы они ни разговаривали, всегда остается еще неисчерпаемый запасъ невысказаннаго. Какъ свѣтло и весело для свѣтлаго праздника! Кругомъ стоитъ оживленный говоръ, стучать ножи, звенять стаканы... Передъ уланомъ стоитъ голубая

с. П. Шинкевич 1914

Верховный Главнокомандующий Его Императорское Высочество Великий Князь
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

«Очень пужко,—думает Катя,—вот Онь не заслуживают этого. А вы думаете, зирають, всё свои стыдятся ея; ни — Если не врите мнѣ, спросите мою боссовстванна! Прямо грабеж!» этот офицеръ теперь о васъ хорошаго одинъ порядочный человекъ на ней мать.

Она моется, раздѣвается, расчесываетъ мнѣния? Да онъ презираетъ васъ отъ всей не женится.

и заплетаютъ темно-каштановыя косы и, души. Мужчина всегда презираетъ дѣвуш- — Фрейлейнъ Трейбрухъ, отдайте мнѣ лавать вашего жениха, пусть она лучше возьметъ васъ домой и сама смотритъ за кофты, идетъ къ двери фрейлейнъ и ступ- мое личко!..

итъ: — Я отдамъ его вашей матери, если вами. А у насъ здѣсь нѣтъ жениховъ и невѣстъ! Намъ отдають сюда дѣтей, которыя должны готовить свои уроки.

— Herein! — слышится оттуда.

III.

Катя входитъ въ знакомую уютную комнату съ каки-то скорбно-кислымъ запахомъ, къ которому пригнѣшивается запахъ валериановыхъ капель. На небольшомъ столѣ, покрытомъ вязаной салфеткой, стоятъ двѣ тарелки: одна съ булками, другая съ крашеными яйцами. Тутъ же стоитъ пустая рюмка и пузырькъ съ каплями. У стѣны темно-сѣрая кровать, на которой прибита сѣрая доска съ надписью:

Eine Seel' die Gott regiere!
Hat hier schon eine Kron,
die sie ewig zieret...

Катя оглядываетъ старый комодъ, полочку книгъ. Нигдѣ не видно ея красиваго яичка. Спрятала въ комодъ, очевидно!

— Вамъ не стыдно? — спрашиваетъ по-нѣмецки фрейлейнъ Трейбрухъ, уже переоблачившаяся въ темный ситцевый капотъ,—вамъ не стыдно смотреть на меня?

Молчаніе.

— Впрочемъ, кому я говорю? Если бы вамъ было знакомо чувство стыда, развѣ вы могли бы такъ уронить, такъ потерять себя? Я не могу опомниться,—такъ я воражена. Я знала, что отъ васъ нельзя ждать ничего хорошаго, что вы на опасной дорогѣ. Но то, что я увидѣла, превзошло все, чего я могла ожидать. Grosser Gott, что же вамъ теперь еще остается? Передъ чѣмъ еще вы не отступите?..

Молчаніе.

— Если бы вамъ было сколько-нибудь знакомо чувство стыда, вамъ было бы тяжело такъ исполнить мнѣ праздникъ, надѣлать мнѣ такихъ неприятностей. Видѣйди въ комнату не я, а сама княгиня, или почетный опекунъ,—вы думаете, я не поплатилась бы за ваше легкомысліе? Я могла лишиться мѣста! И кто вамъ позволилъ выйти безъ спросу изъ столовой? Вы знали, что это не разрѣшается? Конечно, услышавъ звонъ шпоръ, вы потеряли голову, и готовы были бѣжать чуть не въ швейцарскую, чуть не на улицу, Богъ знаетъ, съ кѣмъ, Богъ знаетъ, для чего. И прямо изъ церкви, гдѣ вы, повидимому, пѣли молитвы! Если бы вы пѣли ихъ не для того только, чтобы щегольнуть звонкимъ голосомъ, а для того, чтобы благочестиво и скромно настроить свою душу, вы не побѣжали бы за шпорами! Вотъ сюрпризъ, вотъ подарокъ, который вы поднесли мнѣ въ свѣтлый день праздника! Сейчасъ я принимала капли отъ сердцеченія! У меня разболѣлась голова, ломитъ високъ. Вотъ какъ вы испортили мнѣ праздникъ! Вы думаете, мнѣ легко будетъ сообщить княгинѣ о вашемъ поведеніи! Вы думаете, мнѣ легко будетъ написать вашей несчастной матери? А нельзя ихъ обмазывать. Можетъ быть, васъ завтра же составъ выключать изъ института; можетъ быть, дотерпеть до выпуска; но во всякомъ случаѣ вы должны быть строго наказаны! Завтра вы будете весь день безъ передника! Пусть всѣ видятъ и знаютъ, что своимъ поведеніемъ вы заслужили строгое наказаніе. Конечно, я настаю на томъ, чтобы и въ аттестатѣ вамъ выставили дурной балъ за поведеніе. Нельзя обидѣть вашихъ подругъ, выпустивъ ихъ съ такой же отмѣткой, какъ у васъ.

ВЪ ЦАРЬГРАДѢ.—Старый мостъ на Золотомъ Рогѣ, соединяющій «старый городъ» съ Галатой.
Съ рѣдкой гравюры.

какъ говорить о васъ со своими товарищами — она скажетъ мнѣ, что разрѣшаетъ вамъ ми, у васъ встали бы дѣломъ волосы на го- принимать подарки отъ мужчинъ, которые ловѣ! А вы знаете, какъ у насъ называ- цѣляютъ васъ по уголкамъ.

ютъ дѣвушку, которая до брака позволяла — Я не хотѣла, чтобы объ этомъ знали цѣловать себя кому-нибудь, кромѣ своего въ институтъ, но оль—мой женихъ.

жениха? Abgeküsste Braut. Да, abge- — Не говорите глупостей. Сдайте снача- küsste Braut! И такую всѣ преда ваши экзамены.

Начальникъ Штаба Еерховнаго Главнокомандующаго ген. ралъ-отъ-инфантеріи Николай Николаевичъ ЯНУШНЕВИЧЪ.

„Славянцы и Васинцы“.

Среда Страстной недѣли ознаменовалась тѣмъ, что Ваня младшій разбилъ мраморную статуэтку (группу «Амуръ и Психей»),—ту самую, что стояла въ кабинетѣ Ивана Владиміровича, тщательно оберегаемая, какъ воспоминаніе о томъ счастливѣйшемъ времени жизни, о которомъ только наединѣ вспоминають съ грустной улыбкой...

Ахъ, лучше бы Ваня залилъ чернилами коверъ, даже разорвалъ бы дѣловую бумагу... но статуэтка!..

— Что-то будетъ?! Что-то будетъ?! — съ безпокойствомъ думала Ольга Михайловна, тщетно стараясь приклеить гумиарабикомъ крылья и голову Амуру и руки Психей.

Внезапное несчастье, восьмилѣтній толстякъ Ваня-младшій, сосредоточенно посапывая, стоитъ «въ углу» въ столовой, ковыряетъ пальцемъ обои и дѣлаетъ видъ, что его, въ сущности, ни мало не интересуетъ ни «уголъ», ни статуэтка, ни то, что ждетъ его впереди. Но Ваня притворяется! Притворяется для того, чтобы «Васькина няжка Фимка» не заподозрила его, храбраго Ваню, «славянца перваго ранга», въ трусости... Фимѣ же, очевидно, очень хочется напугать Ваню, насладиться его страхомъ, какъ теперь она наслаждается его увлеченіемъ. Фима, держа на рукахъ снятаго съ каучуковой соской во рту, крѣпко спеленутаго Васю, стоитъ передъ позорнымъ угломъ и, какъ бы не замѣчая Вани, ехидно улыбаясь, шепчетъ:

— Вотъ погоди! Папѣнька придетъ,—онъ-те задастъ!

— Ну и слава Богу! — огрызается Ваня.

— Да Богу-то слава... Это ты правильно...—все такъ же тихо прокивоивши продолжаетъ Фима,—а вотъ, папѣнька-то все-жъ-таки не помилуетъ... Не дерись въ другорядъ! Ишь ты какой вострый! А еще барчукъ!

В. Миклуличъ.

«СВЯТЫЕ ДНИ» ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Благополучно дошелъ до дому со святымъ огнемъ!

И, презрительно взглянувъ на «востраго барчука», Фима медленно поворачивается и поточкаетъ шевеленное хождение взадъ и впередъ по комнатѣ.

Ваня съ генавистью слѣдитъ за всеми движеніями Фимы, съ ненавистью вдыхаетъ «васинскій» запахъ (смѣсь съ преобладаніемъ молока и пеленокъ!), съ ненавистью же слушаетъ произительно тонкій голосъ няньки. Фима поетъ, прихлопывая въ тактъ по спеленутому «Васкѣ»:

Баю, баюшки баю... у,
Баю Васеньку мою...у!
Придетъ сѣренька...ай волчокъ, —
Енъ ухватить за бочокъ,
Енъ ухватить за бочокъ.
Ды... и... потащить... в...ва лѣсокъ!

Ваня думаетъ, между тѣмъ:
— Вотъ, когда выросту, я ее вздую!
Ухъ, какъ!

Онъ сжимаетъ кулакъ и всесторонне долго его разсматриваетъ... Потомъ незамѣтно мысли о мщеніи смѣняются мыслями о грядущемъ возмездіи и о томъ, какъ могла разбиться эта дурацкая статуэтка.

Славянцы уже троекратно проплыли

«Вотъ оно сраженіе,
Аали отраженіе, —

уже готовы были перескочить черезъ стулъ, какъ вдругъ дверь отворилась и въ кабинетъ вошла «Фимка», неся ревущаго «Васку». Неприятельскій арьергардъ былъ представленъ въ лицѣ горничной, которая несла принадлежности для пеленанія. И принадлежности, и «Васка» были водворены на «турецкомъ» диванѣ, а затѣмъ Фима принялась перепеленывать васинца, который между тѣмъ продолжалъ со свойственной его расѣ наглостью оглашать святилище славянцевъ неприличными криками...

Ваня, опѣшившій было отъ такой неожиданности, быстро пришелъ въ себя и заоралъ, тоная ногами:

— Вонъ отсюда! Сюда папа не позволяетъ!

— Чивой-то, чивой-то?—оглянулась Фима, невозмутимо продолжая свое «ужасное» дѣло и въшая (верхъ вандализма!) «васинскій» свивальникъ на ручку «славянского» кресла.

— Барыня приказали, потому всѣ скрость фортки отворены! Некуда больше идти!

Ваня, сознавъ основательность враже-

скихъ аргументовъ, пришелъ въ ярость, атаковалъ Фиму «съ тыла» и потащилъ ее за юбку къ дверямъ.

И вотъ тутъ случайно задѣлъ колыномъ за тумбу съ стоявшей на ней статуэткой.

Поставивъ его въ уголъ, мама сказала, что это отъ нея, а что папа строго накажетъ!

«Строго»? Значить, очевидно, пустяками не отдѣлаешься! Да Ваня и самъ сознавалъ, что вина его очень велика!

Если папа накричитъ, «сдѣлаетъ страшные глаза», даже дастъ подзатыльника, это—все пустяки, этого Ваня не боится, но... если высечетъ?!

Его «за всю жизнь» папа высѣкъ только однажды года два назадъ, когда онъ назвалъ тетю Катю душой за то, что она взяла изъ вазы тотъ самый апельсинъ, который расчитывалъ взять Ваня. Да, высѣкъ! И, вѣдь, въ сущности, даже не больно потому, что папа какъ будто бы боялся бить, точно ему самому было больно... Да и не въ боли дѣло... Боль тоже—чепуха!

— Вотъ сегодня въ школѣ Потаповъ ударилъ по спинѣ,—ажъ загудѣло... И ничего! Только когда порютъ—это очень совѣстно, а главное «Фимка» будетъ потомъ смѣяться, расскажетъ дворнику Петру, и тотъ потеряетъ къ Ванѣ всякое уваженіе, какъ къ поротому!

— Даже странно... Стояла, стояла столѣтъ, и вдругъ—бацъ, и готово...

... Моментально!

Играли съ Люлей въ «васинцевъ и славянцевъ».

Васинцы и славянцы—два постоянно враждующихъ народа. Первые въ сознаніи гротмейстера ордена славянцевъ, Вани, неразрывно связаны съ представленіемъ о «Васкѣ», его нянькѣ «Фимкѣ» о пеленкахъ, соскахъ и затѣмъ «вообще всѣхъ бабахъ и Австрійцахъ».

Славянцы—это воплощенное мужество, отвага, молодечество! Напримѣръ: его сестра, семилѣтняя Люля—славянецъ перваго ранга, потому что она образецъ храбрости. Она не заревѣла, когда порѣзала палецъ, она умѣетъ овиствѣть, лазать по деревьямъ, драться; о папѣ и говорить нечего: онъ очень сильный,—можетъ поднять одной рукой не только Ваню, но даже большое кресло въ кабинетъ, да не какъ-нибудь, а за одну ножку. Вотъ полков-

никъ Фроловъ тоже сильный, но жаль его! Во-первыхъ, онъ «Васкинъ крестный отецъ», во-вторыхъ, не пошелъ на войну, а служить «въ управленіи». Это все бы еще ничего, но главное, онъ, представьте, не курить, а ужъ не курить нельзя «славянцу». Ваня тоже иногда курить вмѣстѣ съ Люлей: либо папины окурки, либо растертыя въ порошокъ листья фикуса. Въ виду всего сказаннаго полковникъ Фроловъ признается «полу-васинцемъ». Уставъ ордена славянцевъ, начертанный Ваней на листкѣ почтовой бумаги, заключается въ слѣдующемъ:

«Славянцы составляютъ вообще изъ Славянцы перваго ранга—§ 1 я и все Русскіе и бельгійскіе. § 2 Люля и серпскіе. § 4 Дядя Коля, § 5 и Гришка (только ни Лужковъ, а который водворе, партизаны»).

Второй рангъ.

§ 1. Дворникъ Петръ, § 2 французск. § 3. англ. Васинцы вообще составляютъ изъ Васинцы перваго ранга.

§ 1. Васька и его нянька Фимка, § 2 тетя Катя, § 3 Анна Иванна и Елена Иванна, § 4 Нѣмцы, § 5 Австрійцы, § 6 Турки.

Полувасинцы § 1 мама, § 2 бабушка, дѣдушка и др. дамы.

Такъ вотъ, славянцы перваго ранга. Ваня и Люля, въ бумажныхъ колпакахъ (уцѣлѣвшихъ отъ елочныхъ хлопнушекъ!), изображая конную атаку, прыгали передъ опрокинутымъ стуломъ, за которымъ находился неприятельскій окопъ: передъ... «турецкимъ» диваномъ.

По стратегическимъ соображеніямъ Вани, диванъ надо было взять штурмомъ...

Когда «Фимка» наконецъ удалась въ столовую заглянула Люля и, быстро подбѣжавъ, сунула въ руку пѣвлаго славянца тотъ самый желтый кубарь, который еще такъ недавно она не хотѣла промѣнять даже на старую дѣдушкину эплету, Люля сейчасъ же убѣжала, а Ваня оставшись наединѣ, малодушно, совѣтъ «по-васински» заревѣлся. Ахъ, всѣ признаки были налицо: его обязательно высѣкутъ!

Иванъ Владиміровичъ сегодня очень не въ духѣ! Завтра начнутся «дни негритусственные», а къ празднику еще ничего не куплено, потому, что... все надоржало, торговцы дерутъ за все спрашиваемыя цѣны, оправдываясь войной и недостаткомъ подвоза, главное же его, Иванъ Владиміровича, «угораздило проиграть» въ карты еще на шестой недѣлѣ поста не только мѣсячное жалованье свое, но и тѣ 500, что выдаетъ ему «для Лѣли» тещѣ... У тещи же теперь придется просить впередъ за мѣсяцъ, выслушивать его брюзжаніе, охи, ахи и потащанія!

... Иванъ Владиміровичъ позвалъ конторщика Духова, распекъ его «за систематическое опаздываніе»; пробовалъ читать газету; развернулъ, но тотчасъ же снова отложилъ «Дѣло № 36113, станція Подпольное». Пришелъ практикантъ Исти-

Возвращеніе съ горячей свѣчей со Страстей. «Святымъ огнемъ» выкапчиваютъ крестъ надъ дверями избы.

Идутъ къ заутренѣ и несутъ съ собой «пасху», которую будутъ освещать по окончаніи богослуженія.

Съ фот. Нат. Семпликовича.

НА ПАСХУ ВЪ 40-ые ГОДА ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Рис. Г. Рейндорфъ.

царь, котораго Иванъ Владимировичъ терпѣть не могъ за мокрыя руки, оттопыренныя уши и за то, что—

— Огъ не нашего путейскаго института, а этого, знаете ли, московскаго вчерашняго!

По обыкновению, сказалъ нѣсколько колкостей Истицину, и хотя тотъ, обидчиво покраснѣвъ, «фыркнулъ носомъ и затрясъ подбородкомъ», но даже это не развеселило бѣднаго Ивана Владимировича.

Да, ничто не помогало! На душѣ было сѣро, мрачно и хотѣлось «забыться». Съ трудомъ досидѣвъ до трехъ часовъ, онъ уныло побрелъ домой, болѣзненно морщась великій разъ, какъ вскрикивалъ малевировавшій паровозъ.

— А ч... чортъ бы тебя! Такъ свиснуть!—бормоталъ онъ свирѣпо.

Дома все шло отлично. Иванъ Владимировичъ, рѣшивъ подготовить почву для пріятнаго разговора о деньгахъ, «взявъ себя въ руки», т. е. не критиковать (какъ всегда) обѣда, шутилъ, смѣялся, былъ вообще очень милъ и любезенъ. После обѣда его увлекли въ дѣтскую—смотреть новый Васинъ зубъ! А оттуда прямехонько переправили въ спальню на покой.

Съ торжествующей улыбкой Ольга Михайловна притворила за низъ дверь и облегченно вздохнула.

Военная хитрость состояла въ томъ, чтобы до пробужденія Вани-старшаго уложить Ваню-младшаго спать, принять на себя все громы и молніи по поводу разбитой реликвиі, а такъ какъ Ваня-старшій отходить, то, конечно, завтра все обойдется пустяками.

Убитый горемъ Ваня-младшій только что старательно вывелъ на новой тетради: «Тетрадь дд. стихотвореній Ив. Иванова», и размышляя о томъ, что бы еще «такое хорошее» сдѣлать, когда мама позвала пить чай и его и Люлю, сказавъ повотомъ:

— По коридору идите тихонько: мама спать!

Ваня перекрестился въ темнотѣ и не дыша прошелъ мимо страшной двери, изъ которой несся спокойный хрипъ «Славянца перваго ранга»...

Всѣ сѣдѣли въ столовой. Ольга Михайловна кормила тапиоковой кашней Васю,

старавшагося дотянуться ручонками до близъ стоящаго никелированнаго чайника. Ваня безопасности ради помѣстился рядомъ съ мамой, обжигаясь, глоталъ горячій чай съ блюдечка, поглядывая съ безпокойствомъ на дверь отцовскаго кабинета, вздрагивая отъ всякаго шороха и стараясь занять мыслью поскорѣй удрать, раздѣться, юркнуть въ постель и притвориться спящимъ. Гордый Славянецъ даже не обратилъ вниманія на то, что «Васка» завладѣлъ собственнымъ Ванинимъ кольцомъ отъ салфетки... Въ другое время такое оскорбленіе не прошло бы безнаказаннымъ «васинцу», теперь же онъ могъ спокойно сосать славянское кольцо и, пачкая его кашей, гукать отъ восторга. Люля, сосредоточенно глядя передъ собой, покусывала лепешку печенія.

Вдругъ глухо хлопнула дверь изъ гостиной въ кабинетъ, оттуда послышалось покашливаніе, шарканье туфель, потомъ раздались рѣзкое, короткое восклицаніе и въ столовую стремительно выбѣжалъ Иванъ Владимировичъ, держа въ рукахъ изуродованную статуэтку...

Иванъ Владимировичъ только что промощно мотавшій отъ толчковъ головой, будеть задуманъ. Ольга Михайловна съ плачемъ бросилась отнимать сына, забывъ что на рукахъ у нея маленькій Вася... Супруги опомнились только отъ пронзительнаго крика: перепуганный Вася по синѣлъ и бился въ конвульсіяхъ...

Дальнѣйшее разыгралось съ кинематографической быстротой. Люля показало, что отецъ смотритъ на нее. Она покраснѣла и, торопясь и картавя, забормотала: — Это, ей Богу, честное суоо, не я это, ей Богу, Ваня разбѣу!

И она расплакалась. Иванъ Владимировичъ, швырнувъ на полъ остовъ статуэтки, подскочилъ къ Ванѣ и, схвативъ за плечи, началъ трясти повторая:

— Да зи шь ли, знаешь, что я съ тобой сдѣлаю?! А?!

Видъ у отца былъ настолько страшень, что казалось, еще минута, и поблѣднѣвшій, какъ стѣна, Ваня, безпо-

мощно мотавшій отъ толчковъ головой, будеть задуманъ. Ольга Михайловна съ плачемъ бросилась отнимать сына, забывъ что на рукахъ у нея маленькій Вася... Супруги опомнились только отъ пронзительнаго крика: перепуганный Вася по синѣлъ и бился въ конвульсіяхъ...

Какъ во снѣ прошли два томительныхъ дня. Супруги не отходили отъ дѣтской кровати Васи, не видѣли окружающихъ, не понимали, что говорятъ, кто говоритъ, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ докторъ опредѣлилъ у ребенка воспаленіе мозга...

Только утромъ, въ Великую субботу, докторъ, удивленно пожимая плечами, сказалъ, что хотя онъ, «новидимому», не ошибся въ діагнозѣ, но для него очевидно, что опасность миновала и ребенокъ останется живъ!

Вася проснулся веселый, «узналъ маму» т. е., гукнувъ, поймалъ ее за носъ, а она разрыдалась отъ счастья. Потомъ узналъ и папу. Папа (страшно осунувшійся послѣ двухъ сутокъ, проведенныхъ безъ сна и ѣды въ безпрестанныхъ мукахъ) подарилъ ему на радостяхъ брелокъ съ цѣпочкой. Вася прикусилъ брелокъ новымъ зубомъ, а черезъ минуту «пропротѣсь въ стѣ», т. е. взревѣлъ, по старому, «васинскому» обычаю, на весь домъ...

Когда въ двѣнадцатомъ часу ночи, уже одѣтые, для того, чтобы идти къ заутренѣ, супруги заглянули въ дѣтскую, тамъ царилъ невозмутимое спокойствіе... Размѣтившись на своихъ постелькахъ, спали Ваня и Люля, спалъ Вася, выпроставъ пухлый кулачокъ изъ свивальника, а Фима, очевидно, только что проснувшись, оправила сбившійся платокъ и, кашлянувъ, зачѣмъ-то затянула:

Придетъ сѣренькій волчокъ,
Придетъ сѣренькій волчокъ,
Енъ ухватить за бочокъ,
Енъ ухватить за бочокъ,

Лампадка, мигая передъ образами и отбрасывая на потолокъ колеблющуюся тѣнь, освѣщала это трогательное славянско-васинское единеніе и миръ! Завозили къ заутренѣ...

Василій Аонасьевъ.

ТОРЖЕСТВО ВЪ ГЕРМАНИИ.

Вильгельмъ II выводитъ изъ прогулку послѣдняго нѣмецкаго быка.
Ж. В. («Le Rire»).

Жаханухъ.

(Посв. О. А. Новиковой).

Грдакъ.

Въ тѣ дни ужасные, когда въ слезахъ
Царьграда
Нобтду праздновалъ разнузданный Исламъ,
Когда кочевники, врывааясь въ дивный
храмъ,
Глумились надъ красой молитвенной
обрда,—

Священникъ съ Чашею—преданью вѣрить
надо—
Ушелъ въ твердыню стѣвъ. Четыре вѣка
тамъ
Дышать надъ Тайною дано его устами,
Въ темницѣ каменной Христосъ его от-
рада.

Преданье говорить, что Царственной рукой
Вновь Крестъ воздвигнется надъ Мудро-
стью міра,
Надъ оскорбленною святыней вѣковой.
Тогда изъ прочныхъ стѣвъ старикъ, еще
живой,
Свой выходъ совершитъ и Вѣчностью По-
тира
Благословитъ Царя, вѣнчаннаго Москвой.

Походъ.

Смирите гнѣвъ пучинъ, Евксинскія стихи!
Раскиньте скатертью святымъ ладьямъ
просторъ!
Въ нихъ силу русскую подьмелетъ Свято-
горъ,
Чтобъ знамя водрузитъ надъ прахомъ Ви-
зантій.

Вы, зори, лейте свѣтъ на древній путь
Россіи,
На зачарованный столѣтьями Босфоръ.
Тамъ силой русскою рѣшится долгій споръ,
Споръ Полушьяца съ Крестомъ Святой
Софіи.

НОВЫЙ ТРОИСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ.

— Куличи не удались!

ВЪ БОГАТОМЪ БЕРЛИНСКОМЪ ДОМѢ НА ПАСХЪ.

Разговляются!

Рис. Здр.

Бесна, лети скорѣй изъ южныхъ земныхъ
странъ,
Не медли въ тишинѣ далекой Назарета,
Забудь Аравію, пустыни и Ливанъ!
Лобзаньемъ солнечнымъ и ласкою при-
вѣта
Разбѣги высокихъ волнъ на время усмирѣ,
Пока на югъ плывутъ въ ладьяхъ бо-
гатыри.

Въ Илдьзѣ.

Султанъ задумался. Гирлянда стройныхъ
тѣлъ
Не соблазнять его у мрамора фонтана.
Забудься хочеть онъ. Роскошный листъ
Корана
Подъ старческой рукой опять зашевелеться.

Онъ долженъ царствовать. Пророкъ ему
ведѣль...
Вѣдь онъ мечталъ въ тюрьмѣ, въ души-
стой мглѣ каляла
О власти призрачной, о счастіи тирана
Надъ сказкой голубой Босфора, Дарданеллы.

Онъ поцѣлуямъ жень отвѣтствуя лѣтнво.
Клянетъ свою судьбу. Онъ знаетъ, что
Исламъ
Бѣжитъ испуганный къ восточнымъ бере-
гамъ...
Рѣшене принято. Пусть бирюзу пролива
Безшумно возмутитъ въ послѣдній разъ
капкъ.
Скорѣе въ Азію! Тамъ бузеть онъ великъ!

В. Жуковскій.

ПОПРАВКА. На стр. 96 ошибочно на-
брала подпись подъ картиной. Слѣдуетъ
читать: «Въ Страстную пятницу»,—кар-
тина П. Делароша. (Paul Delaroche).

Редакторъ М. А. Суворинъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

**ПРЕВОСХОДНЫЙ
для цвѣта лица**

освѣжающій кожу элегантнй кремъ
Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ имѣетъ
очаровательный ароматъ цвѣтушихъ розъ
Онъ является гордостью женщинъ, же-
лающихъ сохранить свой молодой видъ.
Дермозонъ продается во всѣхъ аптекахъ,
въ банкахъ по 30 граммъ. Дермозонъ дѣй-
ствуетъ быстро, если предварительно об-
мыть кожу нейтральнымъ мыломъ. Лучше
всего взять мыло Дермозонъ Т-ва Столь-
бергъ и К^о. Остерегайтесь поддѣлокъ. Слѣ-
дите, чтобы имя Д-ра Антона Мейеръ, Ека-
терин. кан., 29, было напечатано полностью.

**САМОКРАСЯЩІЯ
ГРЕБЕНКИ.**

Электрич., безъ красокъ, 10 р.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОбрѢТЕНІЙ
Петроградъ, Морская, 38.

КУМЫСЪ лечебница «ЦАРСКІЙ ДАРЪ». Ст. Новосергіев-
ская Самаро-Оренб. ж. д. Полный пансіонъ. Отд.
помѣщенія. Постоянный врачъ. Кумысъ въ не-
ограниченномъ количествѣ. Ковыльная степь.
Санитарное благоустройство. До 15 апр. подробн.:
Москва, Арбатъ, Б. Николо-Песковскій пер. 5, кв. 7.

**НАТУРАЛЬНЫЙ
ВИНОГРАДНЫЙ
СОКЪ**

Винодѣліе НОВОЕ

**ЕГО ВЫСОЧЕСТВА ПРИНЦА
К. П. ОЛЬДЕНБУРГСКОГО
КУТАИСЪ.**

ГЛАВН. СКЛАДЪ: ПЕТРОГРАДЪ, КИРПИЧНЫЙ Д. 4. Тел. 445-84.

ВЫСОКАЯ ЦѢНА

И. ВИНКОУРОВЪ и Н. СИНЦОВЪ Садовая 29.
Гостинный дворъ (у Главнаго) Невскій проспектъ №15.
ТРЕБУЕТСЯ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕСС-КУРАНТЫ
съ иллюстраціями всѣхъ музыкальных инструментовъ и гармоніковъ.

ЦѢНОПТОВЫЕ ЯВЕСЪ

Д. М. КАЙГОРОВОВЪ

НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ

преимущественно педагогическія

Изданіе второе
исправленное и дополненное

Цѣна 1 руб.

Изданіе А. С. Суворина.

Святая Женеви́ева бодрствует надъ Парижемъ.
Съ картины Пюви́сь де-Шаванна.

Ник. Каринцевъ.

ОБРАЗЫ ПРОШЛАГО

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ О ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЯХЪ
ПРОШЛЫХЪ ВѢКОВЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

съ иллюстраціями.

Цѣна 2 руб. 25 коп., въ папкѣ 2 руб. 50 коп.,
въ переплетѣ 3 руб.

ПРЕДИСЛОВІЕ. Собранные въ этой книгѣ подъ общимъ названіемъ „Образы прошлаго“ очерки и рассказы печатались въ разное время въ журналахъ „Родникъ“ и „Юная Россія“.

Исторія минувшихъ дней одна изъ самыхъ великихъ и поучительныхъ книгъ. Ее никогда не успеешь читать, ибо предрой рукой въ ней разсыпаны вѣтъ сокровища литературы, искусства, религіи—всего, чѣмъ жила люди и чѣмъ люди иногда не перестаютъ жить. Великая книга жизни, ея каждая страница, это—огченанный на потемнѣющемъ золотѣ вѣковъ образъ прошлаго.

Перелистывая отъ времени до времени пожелтѣвшіе листы этой книги, авторъ, увлеченный встаринными передъ нимъ образами великихъ героевъ духа, не могъ противостать желанію набросать ихъ контуры для подростоваго поколѣнія.

Конечно, несамѣрно далека эта копія отъ гениальныхъ образовъ, исанныхъ рукой самой жизни, но все же та борьба, тѣ иснанія, — которыя наполнили жизнь героевъ духа и которыя способны еще и теперь увлечь нашу душу на великій подвигъ, — не могутъ быть ослаблены никакой копіей, если только она набросана съ любовью и почитаніемъ.

Авторъ не старался о внѣшней связи очерковъ, но тѣмъ больше вниманія онъ удѣлялъ ихъ внутренней идейной связи. Очерки „Образы прошлаго“, какъ они не равны по темѣ, говорятъ объ одномъ: о негнущейся силѣ человѣческаго духа, объ его свѣтлыхъ стремленіяхъ и побѣдахъ.

П. Овидій Назонъ.

НАУКА ЛЮБИТЬ

(ARS AMATORIA)

Съ латинскаго перевелъ В. Алексѣевъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Цѣна 2 руб.

„Наука любить“—Ars amandi, или Ars amatoria подлинника—принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній несчастнаго римскаго поэта и къ шедеврамъ всемірной литературы вообще.

Время выхода въ свѣтъ книги Овидія можно опредѣлить довольно точно, на основаніи одного мѣста въ самой поэмѣ, гдѣ авторъ обращается съ блестящимъ, но весьма льстивымъ, панегирикомъ къ внуку Августа, молодому Гаю Цезарю, наследнику престола. Въ 758 году отъ основанія Рима, такъ рано умершему сыну Юлія, тогда еще полному силъ и дарованій юношѣ, было поручено вести армию въ находившуюся подъ покровительствомъ царевнъ Армению.

Такимъ образомъ позволительно думать, что произведеніе Овидія написано въ началѣ 1-го года до Р. Х. Нѣкоторые критики, впрочемъ, и между нами біографъ нашего поэта, Masson, думаютъ, что „Наука любить“ появилась годомъ раньше. Разница въ хронологіи, во всякомъ случаѣ, невелика.

Жюль Вернъ.

ЗАВѢЩАНІЕ ЧУДАКА

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

Съ 84 рисунками Жоржа Ру и картой Сѣв.-Америк. Соед. Штатовъ.

Увѣнчана Французской Академіей.

Цѣна 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переп. 2 р. 75 к.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“.
Петроградъ. Невскій, 40, Москва, Харьковъ, Одесса, Ростовъ (на Дону) и Саратовъ.